

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

9 (241)
сентябрь 2018

ТЕМА

ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ: ЖИТЬ ВМЕСТЕ

стр. 3–11

ОЧЕНЬ ВАЖНО, ЧТО В ЦЕРКОВНОЙ
СРЕДЕ РАСШИРИЛСЯ КРУГ ТЕХ,
КТО СТАЛ СМЕЛЕЕ ОБСУЖДАТЬ
ПРОБЛЕМЫ НАШЕЙ ОБЩЕЙ ЖИЗНИ

стр. 8

КТО МЫ: РУССКИЕ? СОВЕТСКИЕ?

стр. 10

ПРЕРВАНЫЙ СОБОР

стр. 20

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ

6 – 8 ноября 2018 года, Москва – Подмосковье

РОССИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ: ХРАНИТЕЛИ И САМОРОДКИ

Продолжая тему конференции 2017 года «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности», организаторы предлагают обсудить, на что можно опереться сегодня, размышляя о будущем России, но сознавая, что после Катастрофы, пережитой русским народом в XX веке, разрушен сам человек, его религиозные, культурные, государственно-политические, национальные традиции, межличностные связи.

Можем ли мы надеяться, что сохранился живой остаток нашего народа? Даёт ли он новые побеги?

Если да, то через кого может возродиться или заново родиться жизнь на нашей русской земле?

Дети. Вологодская губерния, 1909 год.
С.М. Прокудин-Горский

Содержание

СЕНТЯБРЬ 2018

~ Новость номера

В Свято-Филаретовском институте отметили начало 31-го учебного года | 2

~ Живое предание

Аскетизм как дисциплина любви | 12

Братский помянник | 13

~ Духовное образование

О христианском просвещении и богословском образовании | 14

~ Свято-Филаретовский институт

Оазис мирной, созидательной жизни | 17

~ Тема номера

Когда сила Христовой Любви совершается в нашей немощи | 3

Не слова, не новая идеология, а свидетельство жизни | 4

Важно, чтобы призыв жить вместе коснулся как можно большего количества людей | 5

На фестивале у «кочетковцев» | 6

В церковной среде расширился круг тех, кто стал смелее обсуждать проблемы нашей общей жизни | 8

Кто мы: русские? советские? | 10

~ Проблемы истории

Прерванный собор | 20

В братствах миряне почувствовали ответственность за церковь | 23

~ Книжное обозрение

Новый пласт исторического знания | 26

~ Прощание

Последнее интервью | 28

Памяти Анатолия Васильевича Чельцова | 31

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 6 сентября 2018 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 16 сентября 2018 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Литургия в храме Христа Спасителя 18 августа 2018 г. Священник Георгий Кочетков причащает членов Преображенского братства.
На четвертой странице обложки: Молитва памяти в Екатеринбурге. 2017 г.

В этом номере большинство материалов – впечатления участников и гостей фестиваля «Жить вместе». Фестиваль этот под общим названием «Преображенские встречи» проходит уже 4-й год в дни празднования Преображения Господня.

Конечно, отразить даже бегло события этих

двух дней, собравших несколько тысяч людей для серьезного разговора о самых разных сторонах жизни церкви и общества на почти двадцати дискуссионных площадках, невозможно не только для газетного формата, но и для большого альманаха. Надеемся, что в этом году, так же как и в минувшем, мы будем в течение года

публиковать наиболее интересные материалы – фрагменты пленарных заседаний и многообразных дискуссий.

Сейчас же мы знакомим читателя с первым впечатлением самых разных людей – «консерваторов» и «либералов», общественных деятелей и представителей церкви – тех, кто смог встретиться в эти дни

Александра Колымагина

и задуматься о том, что такое жить вместе... **КФ**

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

В Свято-Филаретовском институте отметили начало 31-го учебного года

Учебный год начался открытой лекцией первого проректора СФИ Дмитрия Сергеевича Гасака «Алексей Хомяков и Иван Киреевский: богатыри или тени на рубеже народного воскресения»

Текст и фото: сайт Свято-Филаретовского института

В проповеди на молебне, посвященном началу нового учебного года, ректор СФИ профессор священник Георгий Кочетков сказал: «Иисус прославляет Бога Отца, Который “открыл младенцам” сокрытое от мудрых и разумных... В наше время мы встречаем много людей, которые очень довольны собой, но при этом невежды в самом главном – невежды в вере, надежде и любви. А иногда мы встречаем людей до наивности открытых и простых, которые ко всем относятся как к своим, а не выбирают круг общения лишь под себя, и они готовы воспринимать самое важное – откровение Божье». После молебна отец Георгий поздравил студентов, поступивших в Институт на

различные образовательные программы. «Мы очень рады тому, что количество людей, ищущих настоящего духовного образования – полного, глубокого, искреннего и не стилизованного, – не убывает, а подчас возрастает», – сказал он. В этом году на бакалавриат богословского факультета СФИ поступили 56 человек, на магистерскую программу «Современная православная теология и катехетика» – 7 человек. На программах дополнительного образования по религиоведению начнут обучение 30 человек. Основы православного богословия начнут изучать в Богословском колледже более 30 студентов очного отделения, сессия заочников еще впереди. Четверо человек были зачислены на

новую программу колледжа по Священному писанию. В этом году СФИ открыл программу профессиональной переподготовки по совершенно новому для себя направлению – «Социальная работа в системе долговременного ухода». На нее поступили 15 человек, многие из них – сотрудники благотворительных фондов и люди, имеющие опыт работы по уходу за нуждающимися в помощи больными, пожилыми, инвалидами. Традиционную открытую лекцию на начало учебного года прочитал первый проректор СФИ Дмитрий Гасак. Он познакомил слушателей с принципами образования, воспитания и просвещения, которые считали органичными для русского народа ведущие представители славянофильского направ-

Дмитрий Сергеевич Гасак, первый проректор СФИ

ления Алексей Хомяков и Иван Киреевский. Дмитрий Сергеевич подробно остановился на таких принципах славянофилов, как «равновесие убеждений и строя жизни», «цельность человека в единстве веры и разума» и «церковность как собирающее начало в просвещении человека и общества». **КФ**

Когда сила Христовой Любви совершается в нашей немощи

Из слова священника Георгия Кочеткова на литургии в храме Христа Спасителя в канун праздника Преображения Господня

Праздник Преображения Господня – один из тех дней, которых долго ждёшь и которые всегда неожиданно быстро наступают. Вглядываешься в тайны современной жизни, вглядываешься в лица людей, которые хотят следовать за Христом, которые приходят для того, чтобы от всего сердца возблагодарить Бога за все Его дары. Вглядываешься в эти лица и видишь, что исполняются апостольские слова о том, что Господь призывает к Себе людей не по нашим заслугам, не по нашим делам, а по Своему избранию. По призыву Божьему и мы сегодня здесь. Я вижу, что большинство собравшихся здесь сегодня – члены Преображенского братства и его гости. И как не вспомнить прочитанные сегодня слова апостола Павла (1 Кор 1:26–29): разве сильное и могущественное избрал Бог? Нет, Он избрал немощное. Но сила Божия «в немощи совершается» (2 Кор 12:9). А чего же мы ещё можем хотеть, как не этого? Если сила Божия совершается в немощи, если Бог избрал не сильное и могущественное, не славное, не богатое – то это для того, чтобы посрамить тех, кто почитается среди людей сильными, имеющими власть и большие средства воздействия на мир, на людей. Бог избирает тех, кто может, не надеясь на себя, своё и своих, воздействовать силой Духа, силой Христовой Любви.

Всё христианство говорит нам об этом – чтобы мы были «светом мира», чтобы мы стали «солью земли» (Мф 5:13–14). Можно ли это исполнить, особенно в наше время, когда христиан оттесняют куда-то на задворки, в последние ряды, когда о них даже не принято говорить

«в приличных обществах»? Можно ли это сделать? Да, дорогие братья и сёстры, можно, но только тогда, когда мы в единстве со Христом, когда мы живём ради Христа, только тогда, когда сила Христовой Любви совершается в нашей немощи. Христова Любовь есть та Тайна, которую мы можем подарить этому миру и этим его осчастливить, этим его обогатить, этим его усилить, противостоять его распаду и разврату. Только так мы можем жить в этом мире. Разве есть сила бóльшая, чем сила Божья? Кто поборется с Богом? Попыток много, но разве они бывали когда-либо успешными? Даже когда казалось, что всё рухнуло, что ничего не осталось от внешней церковности, – даже тогда Господь творил Свои чудеса через новомучеников и исповедников, через тех людей, которые жили на вершине бытия в духе творческого откровения, познания Бога, мира и человека.

Так что бояться нам нечего. Нам не нужно скрываться, нам не нужно стесняться имени христианина. Нам нужно свидетельствовать об Истине и об этой силе Христовой Любви, не оглядываясь на свои немощи и ни на какие человеческие слабости. «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим 8:31).

Будем же, дорогие братья и сёстры, хранить это качество жизни, будем хранить это избранничество, пусть и данное нам не по заслугам и сверх всяких возможностей! Будем хранить то, что Господь нам дал в прошлом и даёт в настоящем, и будем, забывая прежнее, простираться вперёд, «к почести высшего звания Божьего во Христе Иисусе» (Флп 3:14)! **КФ**

Не слова, не новая идеология, а свидетельство жизни

Интервью с Юлией Валентиновной Балакшиной, членом оргкомитета фестиваля «Жить вместе», проходившего в Москве в августе 2018 года

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Алёна Каплина

Тема фестиваля – «Жить вместе». Но разные люди вкладывают очень разные смыслы в это словосочетание. В Добролюбии, мы знаем, это одно, в обыденном сознании – другое. Устроители фестиваля – церковные люди. Если я правильно понимаю замысел, планировалось сказать что-то важное о братском опыте для церкви, включая в разговор и общество, но «не растворяясь» в светском контексте. Удалось ли это, на Ваш взгляд?

Я могу только сказать, что мы эту проблему осознавали и пытались одновременно собирать на фестивале, с одной стороны, представителей движений церковных, основанием единства которых является единство веры, единение во Христе и в Духе

Святом, с другой стороны – общественные организации, которые строят свою совместную деятельность на каких-то других началах: на восстановлении семейной и исторической памяти, на любви к ближнему, на милосердии, на идее совместной деятельности... При этом, мне кажется, важны сейчас именно примеры жизни вместе. Важны не слова, не новая идеология, важно именно свидетельство жизни о том, что люди могут вместе, как минимум, трудиться, и надежда на то, что возможно какое-то более глубокое единство.

Мы часто сейчас повторяем, что нужно заново учиться вместе трудиться, вместе верить, надеяться и любить. Ведь современный мир не верит, что может быть единство в вере, единство в любви и Духе. И мы надеемся, что при-

меры этого единства на фестивале будут важны и в церковной, и в светской среде.

В представлении о том, что значит жить вместе, возможны искажения. Например, и члены радикальных партий могут воспринимать свою деятельность как общую жизнь и даже общее служение... Вы как-то это учитывали, начиная разговор?

Да, мы прекрасно понимали, что сам этот феномен – «жить вместе» – может рождаться на очень разных основаниях. Именно поэтому мы начали наш фестиваль с фильма-размышления о разных типах человеческого единства. Конечно, люди склонны не только жить вместе, но и сбиваться в стадо, потому что их преследует страх, или потому что появляется какой-то вождь, который их в это стадо сгоняет... В тоталитарном государстве они тоже живут вместе. В своем сюжете мы, конечно, ориентировались на какие-то библейские архетипы, которые, с одной стороны, напоминают нам о единстве строителей вавилонской башни, с другой стороны – говорят о единстве Пятидесятницы. И это разные единства. А вот какое из них может быть проявлено в жизни общества, в жизни народа и что мы можем сделать для того, чтобы проявилось единство Пятидесятницы, а не Вавилонской башни, – об этом и был наш разговор. **КС**

Важно, чтобы призыв жить вместе коснулся как можно большего количества людей

Интервью с игуменом Серапионом (Митько),
заместителем председателя Синодального миссионерского отдела

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Отец Серапион передал участникам фестиваля приветствие митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна

Отец Серапион, какие вопросы первыми встают перед православными миссионерами в современной церковной ситуации?

Часто говорят о том, что православной миссии недостаточно, что она осуществляется неэффективно, что церковь может сделать больше, чем делает. И обычно это связывают с недостаточной активностью, недостаточной мотивированностью миссионеров. Однако это только одна сторона вопроса.

На самом деле пока мы не поймём, не определимся, не договоримся о том, где проходят границы церкви, кто пребывает в ней, а кто так или иначе находится где-то возле её границ, нам будет трудно говорить о миссии. Ведь нам необходимо

понять, к кому мы обращаемся. Опыт возрождения церковной жизни начиная с конца 1980-х годов показал, что большинство из нас понимает границы церкви крайне неопределённо и фактически включает в эти границы всех, кто так или иначе считает себя православным. Поэтому часто бывает непонятно, кому, собственно, проповедовать. Только тем, кто заведомо не является православным христианином? Это – одна проповедь. Или ещё и тем, кто, называя себя православным, несёт на себе только это название?

Второе внутреннее затруднение, я думаю, связано с тем, что очень многие люди в своей религиозности крайне индивидуалистичны. В сугубо церковной среде эта незаинтересованность к ближнему часто выражается в та-

ком тезисе: «Ну, куда нам спасать других, нам самим бы спастись как-нибудь». Иногда это свидетельство подлинного смирения, а иногда – способ уйти от заботы о другом, обосновать ненужность, необязательность, факультативность любви к ближнему.

Сегодняшний фестиваль «Жить вместе» напоминает нам и о том, что миссия возможна лишь в виде диалога, и о том, что мы не только отдельные люди. Мы – Церковь. Христос есть истинный Путь Жизни, и по этому пути нельзя идти одному. И если человек погибнуть может один, то спасается он не один, спасается он в Церкви.

Что Вам показалось самым интересным на фестивале, что задело из услышанного?

На мой взгляд, интересной была беседа о. Георгия Кочеткова с Николаем Владимировичем Случевским об Акции национального покаяния. Конечно, в нашей практике покаяние индивидуально, но если мы откроем Священное Писание, мы часто прочитаем там слова о грехах народа, о том, что народ согрешил. И есть такие грехи, с которыми трудно расстаться индивидуальными усилиями.

Да и вообще я увидел на фестивале интересные проекты, интересные идеи. Важно, чтобы этот призыв жить вместе не был внутренним делом Преображенского братства, а коснулся как можно большего количества людей. **КФ**

На фестивале у «кочетковцев»

Комментарий игумена Кирилла (Сахарова),
настоятеля церкви Святителя Николы на Берсеневке (Москва),
духовника Союза православных братств

Фото: Галина Кузнецова

В ответ на просьбу «Кифы» поделиться своими впечатлениями о фестивале «Жить вместе» о. Кирилл сначала дал краткий комментарий –

«Приятно наблюдать общность людей, которые связаны, во-первых, живой верой в живого Спасителя, во-вторых, общим делом, взаимопомощью. Чувствуется и неподдельная искренняя любовь, и то, что это люди энергичные, активные. Конечно, это не могло не произвести впечатление. Этот пример общинной жизни, общности не просто по профессиональному признаку, а по признаку духовному для нашего такого разобщённого общества очень важен», –

а через день прислал более пространственный текст, фрагмент которого мы предлагаем читателю.

Ежегодно 18–19 августа Преображенское братство, возглавляемое о. Георгием Кочетковым, проводит свой фестиваль. В этом году он проходил в двух павильонах парка Сокольники. Открывала фестиваль молодёжная группа в косоворотках и сарафанах – оказалось, что они не были приглашены со стороны, а были своими. С удивлением я наблюдал, как пара тысяч человек активно и радостно общались между собой.

Утром на Преображение более 20 участников фестиваля, главным образом, из Молдавии, были у нас на богослужении и причащались, заранее предупредив о таком намерении. Подумалось: «Ну, сейчас ввалятся в джинсах, без платков, уткнутся в свои пособия, многие придут ближе к причастию». Ничего подобного, однако, не было. Внешний вид гостей вполне подходил к древнерусскому «дресс-коду», только мужчины, к сожалению, были бритыми (что, впрочем, повсеместно распространено). Никакой ожидаемой экзальтации, надменности, обособленности не проявилось. Вся «кочетковщина» сводилась к тому, что во время чтения Апостола и Евангелия гости уткнулись в планшеты с русским переводом. И, конечно же, на возгласе

«Возлюбим друг друга» стали давать «целование мира» (почему-то троекратно). «Целование мира», несомненно, древняя традиция (её практикуют христиане на Западе). У нас она сохранилась только для духовенства в алтаре. На нашем приходе тоже есть отличия во внешнем плане от других приходов, поскольку служба совершается по старому обряду. Например, при каждении на третий взмах кадила прихожане приподнимают руки и затем, крестообразно их сложив, делают поклон. «Целование мира» (конечно, с рядом стоящими) вполне приемлемо, но мы не хотим отличаться от практики других старообрядных приходов Русской православной церкви Московского патриархата.

Пока я с двумя сослужащими священниками причащался в алтаре, на головы «продвинутых» кочетковцев, занявших все лавки у западной стены храма, учинённый чтец, заполняя паузу, низвергал водопад церковнославянской словесности свято-отеческого поучения на данный день.

На трапезе «преображенцы» вели себя вполне дружелюбно и любезно, говорили о том, что им понравился древнерусский чин Литургии, задавали вопросы. Молдаване пропели тропарь препо-

Слушая их выступления и вглядываясь в их лица, я почувствовал, что они живут реальной общинной жизнью, на основе любви и взаимоподдержки. Это было свидетельство не о житейском или профессиональном взаимодействии, а именно о христианской жизни. В целом впечатление было благоприятным. Пишу то, что видел своими глазами и слышал своими ушами.

добному Паисию Величковскому на своём языке (они были приятно удивлены, что я был удостоен степени кандидата богословия за сочинение на тему «Преподобный Паисий Величковский как продолжатель исихастской традиции»).

На фестивале (я был только на пленарной части) были выступления представителей разных профессий и занятий (социальный работник, благотворитель и т. д.) и презентация одного из малых братств-общин. Слушая их выступления и вглядываясь в их лица, я почувствовал, что они живут реальной общинной жизнью, на осно-

ве любви и взаимоподдержки. Это было свидетельство не о житейском или профессиональном взаимодействии, а именно о христианской жизни. В целом впечатление было благоприятным. Пишу то, что видел своими глазами и слышал своими ушами. Естественно, к «кочетковцам» остались вопросы и некоторые недоумения. Но то, что актуальная проблема общинной жизни у них по своему решена, несомненно. К сожалению, настоящих общин ещё довольно немного. По-прежнему наши прихожане мало знакомы между собой и уровень их общения пока далёк от идеала. КС

На трапезе после Литургии в церкви Святителя Николы на Берсеневке в день Преображения Господня

В церковной среде расширился круг тех, кто стал смелее обсуждать проблемы нашей общей жизни

Интервью с протоиереем Максимом Кокаревым,
и.о. ректора Самарской духовной семинарии

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Игорь Хмылёв

ствительно очень важные вопросы, потому что мы чувствуем эту разделённость клира и мирян, причём взаимно, и проблемы существуют с обеих сторон. И миряне – будем честны – не всегда готовы и не всегда хотят брать на себя ответственность за жизнь Церкви. К сожалению, эта очень удобная позиция «потребителей духовных благ» воспитывалась столетиями, когда вся наша литургическая жизнь воспринималась лишь как некое проявление индивидуального благочестия: «Я пришёл для себя, причастился для себя». Тому, что литургия – это общее дело, совершающееся соборно, мирян, к сожалению, не учили. С другой стороны, и семинарии традиционно были заточены под то, чтобы давать достаточно клирическую картину церковной жизни – не то чтобы специально, не со зла, просто традиционно так сложилось. И часто (слава Богу, не всегда) из семинарии выходят священники, которые идут «по готовым рельсам»: «Я служу, все остальные должны меня слушать и, собственно, это я – совершитель таинства, а остальные – пассивные зрители»... Даже то, что мы все имеем дар царственного священства и только плоды Духа разные, как говорил ап. Павел, не для всех очевидно.

Так что у нас действительно очень много проблем, и эти вопросы кто-то должен поднимать. Преображенское братство всегда являлось и является неким пионером в этом обсуждении, и в значительной степени благодаря той деятельности, которую ведёт братство, в церковной информационной среде стали посмелее эти вопросы обсуждать. Мне кажется, это очень важно. Сейчас круг тех, кто не является членом братства, но солидарен с ним, в том же направлении смотрит, «тем же воздухом дышит», расширился. И я знаю, что у нас в городе достаточно много таких людей.

Очень важно, что здесь, на фестивале, озвучивание проблем не превратилось в бесконечную скорбь о том, что всё плохо, в нытьё. Очень много было сказано и о том, какие можно искать пути решения. Понятно, что это будет не быстро. Церковное сознание вообще по природе своей достаточно консервативно, и может быть, это не всегда плохо. Мы ведь помним, чем закончилась попытка патриарха Никона за три года всю церковь переломить через колено... Церковь проявляет определённую осторожность в том, что касается литургических или канонических изменений. Но без открытого, спокойного, исключающего истерику разговора,

Не могли бы Вы поделиться впечатлениями от фестиваля «Жить вместе» в целом и от тех дискуссионных площадок, на которых Вы побывали?

Это второй фестиваль «Преображенские встречи», в котором я участвую; первый опыт был в прошлом году. Ощущения, конечно, самые яркие, самые светлые.

Та дискуссионная площадка, в работе которой я участвовал («Клирики и миряне: как нам жить вместе»), поднимает дей-

да и просто общения, ничто вообще сдвигаться никогда никуда не будет.

Поэтому так важна возможность пообщаться с людьми, которые, может быть, не на все 100 % во всём с тобой согласны (мы и поспорили где-то), но готовы к этому разговору. Ведь мы же чувствуем, что у нас до сих пор в обществе (мне сложно сказать, где корни, насколько они глубоко, это, видимо, ещё и постсоветские проблемы) не все мы и ещё не всегда готовы к открытому, нормальному, честному, но при этом достаточно взвешенному неагрессивному диалогу. А сейчас мы уже многие проблемы церкви можем обсуждать, не стесняясь говорить – да, они есть, да, их нужно решать. Но в церкви проблемы были всегда, идеальных времён, мне кажется, в церкви не было вообще никогда.

Это правда. А в обсуждении ещё каких-нибудь тем Вы участвовали?

Я не мог не посетить и площадку «Начала просвещения русско-го...», потому что здесь говорили не столько про образование, сколько про студенческое общение и братство. Для меня это тоже очень важно. Те, с кем я учился, и те, у кого я учился, и те, кого я уже почти 20 лет учу в семинарии, – люди все очень разные, но есть радостное ощущение, что складывается круг единомышленников. Это бесценный опыт братства, причём оно разновозрастное – мои учителя, соученики и мои ученики. Не все те, кого мы учили, стали священниками, всё-таки это по-разному бывает, а вот единомышленников достаточно много. На этих людей всегда можно положиться, с ними можно открыто обсуждать все вопросы. И это крайне важно. Потому что любые мысли доносить очень тяжело, когда ты один говоришь

о том, что что-то не так. Так же было сложно, скажем, в начале XX века озвучивать те или иные канонические проблемы. Конечно, один в поле не воин. А ведь значительная часть клира не готова это услышать, хотя я иногда и среди мирян (и в интернете, и в жизни) встречаю ещё более жёстко консервативно настроенных людей, которые при любой попытке обсудить проблемы начинают всех вокруг обвинять в обновленчестве, в модернизме, в чём угодно. Почему я пришёл сюда? Мне было важно как раз свидетельство других послушать. «Преображенские встречи» – одно из мест, позволяющих «почувствовать плечо».

Отец Максим, Вас очень радостно слышать, потому что, с одной стороны, Вы трезво говорите о том, что в церкви есть достаточно много проблем, а с другой, чувствуется, что в Вас такая крепкая надежда...

На самом деле в последнее время я вижу оздоровление некоторых приходов, некоторое движение в сторону общинной жизни. Это проявляется начиная с каких-то частных вещей: есть приходы, где значительную часть службы поют прихожане, а не хор, где на возглас «возлюбим друг друга» дают друг другу лобзание мира... Но и в целом – жить вместе начинают.

Как раз этим я и хотела закончить разговор. Мы чаще говорим о том, как жить вместе в обществе, но не всегда вспоминаем, что для того, чтобы жить вместе в церкви, зная проблемы, которые в ней есть, тоже нужны усилия...

Да, нам в значительной степени приходится этому учиться заново, потому что та парадигма церковной жизни, которая сейчас есть, в значительной степени разделяет нас.

Хотя мы в храмах всё время слышим «братья и сёстры».

Конечно. У нас на уровне терминологии всё нормально, нигде не сказано: «разделяйтесь», Писание говорит, что мы все едины. Но в реальной жизни при различии даров Духа (а они всё-таки разные: «Не все учителя, не все апостолы, не все пророки...») это различие служений превратилось скорее в разделяющую пропасть. Есть как бы посвящённые, «мисты», а есть «профаны», которые стоят и пребывают в трепетном мистериальном молчании, пока священник, являющийся, по словам одного из восточных сирийских авторов, «устами Церкви», говорит с Богом как со своим близким другом (чего все остальные в этой парадигме делать не могут). Эта тенденция проявлялась и проявляется и в стремлении к непременно тайному чтению молитв, окончательному отгораживанию алтарного пространства, и (как следствие) в нагромождении всяких историко-символических толкований, ведь когда непонятно, что на богослужении происходит, необходимо что-нибудь придумать.

Чтобы в литургическом смысле жить вместе, очень многое нужно делать, прежде всего многое объяснять. Я много лет преподаю литургику и всегда напоминаю студентам: не священник совершает таинство, а Дух Святой, и все предстоят; священнослужитель предстоит от лица всей общины. И мирян надо воспитывать, чтобы у них было дерзновение брать на себя ответственность. Это процесс долгий, и, мне кажется, в нём важную роль должно играть оглашение. Поэтому многие в церкви по крайней мере с интересом смотрят на опыт Преображенского братства. И в последние годы мы видим, может быть, робкие иногда, но постоянные шаги в направлении церковного возрождения. **КФ**

Кто мы: русские? советские?

Так называлась дискуссионная площадка, вызвавшая наибольший интерес на фестивале «Жить вместе». Мы публикуем интервью с некоторыми из её участников

Беседовала Александра Колымагина. Фото: Евгений Гурко

Что Вы считаете наиболее важным в прошедших эти два дня обсуждениях?

Николай Владимирович Случевский, президент Столыпинского центра регионального развития, Сан-Франциско: Самое важное – это вопрос идентичности. Потому что какое может быть у нас будущее, если мы не знаем нашего прошлого, не знаем, кто мы такие? И какое может быть покаяние, если у нас нет памяти? Ведь память определяет совершенно всё. И если советская власть стёрла до основания русскую память, мне кажется, мы тем более обязаны её восстановить во всех её видах.

Естественно, мы понимаем, что ДНК нас не связывает – нет «русского ДНК». Но в ходе достаточно острых, полемических обсуждений – кто такой русский человек, какие ценности нас объединяют – происходит некоторый катарсис. И это меня очень радует.

Радует прежде всего как правнука Столыпина?

Я исхожу из моего жизненного опыта и опыта бабушки, старшей дочери Петра Аркадьевича. Важно дать гражданам возможность самореализации. Вся столыпинская реформа имела в виду именно это: не надо, чтобы государство постоянно во всё вмешивалось, создай человеку условия, и он сам себя реализует. А это подразумевает первенство закона. Без этого мы будем продолжать сидеть в болоте, и будущего никакого не будет. Сегодня же у нас есть Верховный

Н.В. Случевский, правнук П.А. Столыпина

суд, Конституция, гражданский кодекс, но между ними нет ни малейшего взаимодействия, а значит, возможен полный произвол.

Так на что русский человек должен ориентироваться для того, чтобы называть себя русским? Что тогда отечество? История – это всё, что у нас осталось. Почему Владимир Мединский так обрушился на Сергея Мироненко со словами «оставь в покое наши сакральные легенды»? Мы же понимаем, что для историка такое высказывание немислимо.

Это говорит о том, что в информационной сфере господствуют сплошные фальсификации – и советские, и современные...

Как говорится, в России нет ничего более непредсказуемого, чем наша история.

Вы принадлежите к третьему поколению первой русской эмиграции, и очевидно, что в Вашей семье прилагались усилия для того, чтобы сохранить русскую идентичность. Но ведь и мы со своей стороны должны прилагать усилия, чтобы восстанавливать русскую идентичность после всего, что произошло в минувшее столетие. Какие усилия здесь должны быть первоочередными кроме выяснения правды истории? Язык?

Очень важно, чтобы все русские начали искать правду в архивах очевидцев. Просто ежедневную, бытовую правду...

И, действительно, важен язык, потому что он – носитель памяти. Идентичность имеет прежде всего две составляющие – язык и общую память.

В.В. Игрунов, один из основателей партии «Яблоко» и общества «Мемориал»

Что Вам показалось наиболее интересным и важным на фестивале?

Вячеслав Владимирович Игрунов, директор Международного института гуманитарно-политических исследований, Москва: Обострённое отношение к русской истории и к русскому самосознанию. Не случайно наша дискуссионная площадка «Кто мы: русские? советские?» показала очень серьёзную вовлечённость в эту тему – люди не только заняли все возможные места, но и стояли у стен и в проходах. И всё, что я услышал за эти два дня, сконцентрировано на этом болезненном переживании русскости и советскости. Мне кажется, это очень важный момент для нашей истории. На самом деле и в обществе-то ведь тоже есть

эти тяжёлые переживания, даже если люди не называют их прямым именем.

Мне кажется, это проблема смешения (нам ведь не приходится в голову назвать Андрея Рублёва, который писал ещё до стояния на Угре, «татаро-монгольским иконописцем», а вот назвать всё хорошее, что было в минувшее столетие, «советским» мы вполне способны). А в информационном поле это смешение, это переименование истории в самых разнообразных целях внедряется намеренно.

На самом деле мы сейчас конструируем себя. Мы вглядываемся в историю для того, чтобы увидеть то, что помогает нам выстраивать образ, который нам важен, и стараемся всё остальное считать несуществующим или не замечать. Я не согласен с теми, кто говорит, что в Советском Союзе нет продолжения России, что это принципиально другая история, которую надо «закапсулировать» и исторгнуть в процессе декоммунизации. Разве всё русское в это время упаковали и отправили на Марс, а к нам заселили что-то нерусское, чужое и начали с нуля историю другого вида, не homo sapiens, а homo soveticus, рождённого от другой матери, от других исторических корней? Разве не мы сами, русские, создали Советский Союз, а кто-то другой, пока мы в это время находились где-то

в изоляции? Нет, всё это дело наших рук.

В том, что произошло, участвовали все народы Российской империи, и далеко не в последнюю очередь – жители её окраин. Достаточно посмотреть, каким был состав исполкома Петросовета в 1917 году...

Правильно, но окраины империи – это наша страна, которую мы создали. Это мы, русские, считали их своими, подняли их в Петроград, создали государство, в котором они могли составлять значительную часть Петросовета. Не венгры, не итальянцы, не китайцы – мы, русские, создали такое государство, где то, что случилось, было возможным.

Как бы то ни было, в этой ситуации есть по крайней мере один несомненный захватчик. Этим захватчиком был дух – страшный дух разрушения, демонический дух, который захватил практически целый народ. И это его надо обличить, исторгнуть как чуждый.

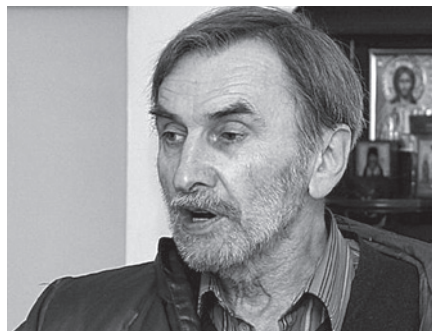
Конечно. Здесь нельзя не огласиться.

Произошедшая трагедия, катастрофа должна быть подвергнута осмыслению и покаянию ради строительства чего-то нового, более гуманного и человеческого. И конечно, мы должны сохранять ту русскую традицию, которую русские люди надеялись привнести в советскую власть – и не смогли этого сделать.

А.Д. Коншин, старшина Московского Купеческого общества: В ходе сегодняшней дискуссии, которая стала продолжением «Русских бесед», в ходе поиска ответа на вопрос «Кто мы?» не удалось раскрыть даже малую часть этой проблемы. Это, безусловно, только начало разговора, который нужно продолжать.

Я согласен не со всем, что сегодня услышал, но автор одного из докладов Сергей Каринский прав в том, что кроме разрыва культурных традиций был правовой разрыв, юридический. Кроме того, большевики, как только пришли к власти, сразу стали сносить памятники, уничтожать названия. А это ещё и формирование сознания.

Но русские традиции передавались и внутри семьи, и внутри человека. Они во многих живут, хотя уже очень слабо. И мы как раз и должны эти традиции возродить. **КФ**

А.Д. Коншин, потомок дворянского рода Рачинских и рода купцов Коншиных

Аскетизм как дисциплина любви

Фрагменты работы митрополита Иоанна (Зизиуласа) «Богословие святого Силуана Афонского»

Из публикации на сайте Богослов.рф

Церковь, по мысли св. Силуана, есть не что иное, как продолжение любви Господа ко всем, «чтобы всем спастись». Афонский святой не удовлетворён своим личным опытом любви Божией к нему. Выражая это очень сильно, он желает, чтобы и другие увидели и познали её. «Господи, даруй Святого Твоего Духа так, чтобы все Тебя познали в Святом Духе». «Господи, даруй сию любовь Твою всему миру». Святой Силуан постоянно спрашивает у Господа, чтобы Он открылся всем людям. Он пишет о киевском подвижнике св. Парфении, желавшем войти в тайну монашеской жизни, что Богородица ему сказала: «Истинный монах есть тот, кто ходатайствует за весь мир». Это подводит богословие св. Силуана очень близко к божественной Евхаристии, которая является актом приношения Христа целому миру со стороны Церкви.

Для св. Силуана «если хочешь сохранить умную молитву, то ты должен любить тех, кто тебя обидел, и молиться о них до тех пор, пока твоя душа не найдёт мир, и тогда Бог дарует тебе непрестанную молитву, поскольку благодать молитвы даётся тем, кто молится о своих неприятелях».

Прощение наших врагов является настолько существенным для нашего соучастия в Евхаристии, что наш Господь ставит его условием этого соучастия (со-причастия); то же самое делают и свв. отцы, такие,

как св. Максим Исповедник в своём толковании на Молитву Господню, св. Анастасий Синаит и другие. Все грехи могут быть прощены в исповеди перед Божественным Причащением, но если кто-то не примирился со своими врагами и хранит в памяти своей зло, сделанное ему, то соучастие в Евхаристии ему не разрешается.

Аскетическая традиция (предание) св. Силуана не принадлежит аскетическому образу Евагрия, акцентирующему внимание на очищении ума. Она больше относится к подвижническому преданию, которое перенял и развил св. Максим Исповедник, и к другим традициям, приводящим нас через движение исихастов и афонское монашество к нашей эпохе. То, на чём ставится ударение в этой традиции, есть очищение сердца, действующего как центр послушания и любви. В этой традиции любовь становится гносеологической категорией: посредством любви мы познаём, в том числе и самих себя, через любовь Божию. Этот аскетизм любви ведёт к богословию, которое можно передать логическими понятиями, такими как «связь», «личность», «общество» и т. п. Это богословие не является иррациональным, но производящим понятия, имеющие целью освобождение человеческого разума от (сухого) рационализма, давая нам возможность охватить в нашем слове о Боге всё наше бытие так, как оно связывается с другими существованиями и, особенно, с Самим Богом.

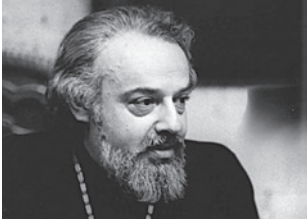

Афонский подвижник
преподобный Силуан
(в миру Семён Антонов,
уроженец Тамбовской губернии)

Такое богословие очищения сердца от источника всех страстей, а именно самолюбия, проходя через Крест Христов, который, будучи освобождён от всякого самолюбия и отождествлён с другими до смерти, ведёт нас к откровению Божественного бытия как Святой Троицы любящих Лиц, и таким образом обоживает нас, даруя нам Святого Духа как благодать познания Бога потому, что мы познаны Им во Христе, а именно, любовь к Нему потому, что Он нас прежде возлюбил. Всё это переживается в сообществе, которое Дух созидает как Тело Христово, как Церковь. Таким образом, аскетизм не является чем-то «параллельным» Церкви, но, в конечном итоге, местом, где возделывается и вырабатывается в подвиге сущность Церкви как сообщества через борьбу против страстей, препятствующих любви. **КФ**

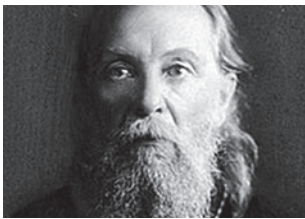
Братский помянник

9 сентября 1990 года был убит протоиерей Александр Мень.

Отец Александр был миссионером, проповедником, собирателем небольших групп мирян для совместной молитвы и изучения Библии. Сергей Аверинцев говорил о значении для России его служения: «Одно он чувствовал всем своим существом: что церковь предназначена своим Основателем для спасения людей, реальных людей. Людей каждого времени, каждого поколения».

11 сентября 1930 года отошёл ко Господу архимандрит Спиридон (Кисляков), руководитель братства во имя Иисуса Сладчайшего.

Изначально это братство состояло из рабочих, нищих, маргинальных людей, в том числе преступников. Впоследствии произошло частичное слияние общины о. Анатолия Жураковского с братством о. Спиридона. В интеллигентную среду общины о. Анатолия влились люди совершенно иной культуры, другого образа жизни. Тем не менее, этот духовный сплав оказал-

ся единым братством. В братском храме о. Спиридон, по слову отца Анатолия Жураковского, «возродил древний церковный идеал». Литургия совершалась при открытых царских вратах, на что архим. Спиридон получил благословение патриарха Тихона, с чтением вслух «тайных» священнических молитв, общим пением и употреблением русского языка.

11 сентября 1937 года был расстрелян архимандрит Варлаам (Сацердотский), один из руководителей петроградского Александро-Невского братства.

Когда в июне 1922 года были арестованы руководители братства, отец Варлаам на два года, до собственного ареста, принял руководство братством на себя. Ему в это время было 25 лет.

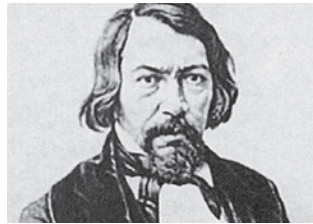
В одном из писем, написанном из дома предварительного заключения, он говорит об основном деле братства: «Как проповедь наша, так и вообще всё дело наше хотело быть всегда одним – великим благовестием блаженной жизни в Боге, открытой нам Иисусом Христом... Великое служение и радостное... а путь к нему именуется крестным».

20 сентября 1937 года был расстрелян архимандрит Лев (Егоров), один из основателей и руководителей петроградского Александро-Невского братства.

На последнем допросе архимандрит Лев сказал: «Виновным себя я не признаю. Я являюсь глубоко религиозным человеком, посвятившим всю свою жизнь служению Богу, и целью моей жизни является пропаганда религии в массах. Я её вел, веду и вести буду». В июле 2003 года Священным Синодом был прославлен в лике священномучеников.

23 сентября 1860 года отошёл ко Господу Алексей Степанович Хомяков.

Основатель славянофильского движения, которому была открыта свыше природа братской соборности Церкви, он непосредственно связывал соборность с общинностью и ценил традиционную, в то время ещё очень патриархальную общину.

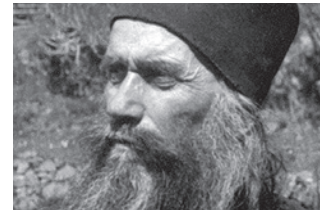
24 сентября 1937 года был расстрелян протоиерей Карп Эльб.

Ещё будучи дьяконом, он был ближайшим помощ-

ником о. Павла Кульбуша в петербургском Исидоровском эстонском братстве, заменяя о. Павла во время его отъездов. Дьякон Карп читал братчикам лекции, проводил вечерние беседы после всенощных, произносил проповеди, объясняя богослужения. Вероятное место захоронения его останков после расстрела в 1937 году – Левашовское кладбище под Петербургом. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников в 2001 году.

24 сентября 1938 года отошёл ко Господу прп. Силуан Афонский.

Великий святой XX века, он смог явить не только реальную силу действия Любви Христовой, благодати Святого Духа, но ещё и удивительное милосердие.

27 сентября 1937 года на Бутовском полигоне был расстрелян священник Михаил Шик.

Он принадлежал к мечёвскому кругу. В 1930-х совершал тайные богослужения, приглашая на них близких по духу людей. При последнем аресте (в 1937 году) во время обыска в доме были обнаружены облачение и антиминос.

О христианском просвещении и богословском образовании

Выступление протопресвитера Виталия Борового, прозвучавшее в начале 2000-х годов, остаётся актуальным и сегодня

Фото: Анатолий Мозгов († 2008)

Христианское просвещение и богословское образование – большой и трагический вопрос сейчас.

Когда-то мы гордились и верили, что мы Святая Русь. Вторая половина XIX века показала слабость «Святой Руси». Церковь – Святая Русь – не справилась с новыми проблемами, оставаясь, однако, верной своим преданиям и вере. Старое сохраняли, и это хорошо, но возникали новые проблемы в жизни. Их надо было решать. Церковь не была готова решать их. В результате этого сначала потеряли интеллигенцию, её среднюю часть, массу. Интеллигентная вершина мировой культуры сохранилась, и вершина духовности интеллигенции сохранилась. Но это элита! А обычная интеллигенция питалась неверием и западными источниками. Потом потеряли рабочих и молодёжь. В результате – революция. Руководство революции не было связано с Россией. Хотели построить новое общество, но задавить русскость. Что получилось – мы знаем на себе. Система сказала сама за себя: и хорошее, и плохое. Внутренние противоречия системы её и разрушили, и это хорошо. Но есть реальность – люди, которые остались от этой системы. И задача духовная, насущная сейчас – просвещение народа.

Просвещение нельзя заменить эрзацами (воскресные школы и т. д.). [Задачу] нужно решать серьёзно и глубоко. Священники не готовы, их нужно растить, готовить. А задача стоит трагическая – просвещение народа! Мы привыкли служить Богу и

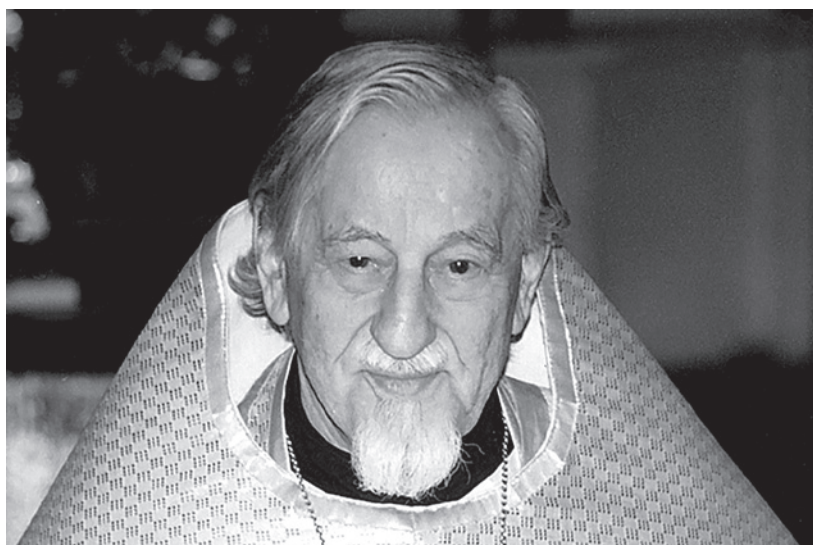
народу. Раньше, когда всё было запрещено, совесть была спокойнее. Сейчас всё можно. Мы кинулись церкви восстанавливать, торжествуем о цифрах (200 епископов, 18 тысяч церквей, 300 монастырей и т. д.)¹. Достижения? Да. И это надо уважать. Не идеально, но сделали. А кто [теперь] в этих церквях, монастырях?

Наука у нас всегда была на уровне, с ней считались на Западе, особенно с фундаментальными науками, техникой. Отставали гуманитарные науки. Я много знаю конкретных вещей от своего прихожанина академика Виноградова – создателя московской математической школы. Он часто меня просил: «Отец Виталий, тише, скромнее говорите...». Но ведь пустота духовная должна быть заполнена.

Молодёжь наша не плохая, и не была плохой, [она] выше, чем на Западе, нравственно лучше. На Западе общее течение духовной жизни понижено, там ниже духовный уровень.

Часть молодёжи сама обратилась к Богу, без нашей заслуги. К молодёжи надо идти. Идти умело, потому что не должна молодёжь «переедать» (ни православия, ни марксизма). Молодёжь, выстрадавшая православие, становится консервативной. Основная же часть молодёжи пришла из интереса. Но у молодёжи духовный релакс продолжается недолго. Нужна пища и для ума. Атеизм научным себя называл, к уму и раздумьям взывал. И теперь молодёжь не только сентиментальна, но и пищу для ума ищет в религии. Церковь консервативна, она не

¹ Напоминаем, что доклад был прочитан в начале 2000-х.

Протопресвитер Виталий Боровой (1916–2008)

Самое важное сейчас – просвещение! Нужно объяснять веру и службу. Может быть, и 100 лет ещё не будет востребовано новое, но оно должно расти.

отвечает на их вопросы. Говорю пессимистически, но лучше я сам скажу, чем об этом же мне скажут другие.

Самое важное сейчас – просвещение! Нужно объяснять веру и службу. Может быть, и 100 лет ещё не будет востребовано новое, но оно должно расти: тихо, без шума, без конфликтов.

Очень ценно и очень важно просвещение. Всё нужно объяснять, но объяснять понятно.

Язык! Все языки священны, если мысли Священного Писания передают. Не надо ничего менять, надо объяснять, и объяснять понятно. Служить так, чтобы понятно было! Епископы и священники – только предстоятели, а служит народ Божий! Одну лишь молитву предстоятель говорит о себе, остальные все – от имени народа Божьего. И хор от имени народа говорит, поёт. А должен народ сам петь, говорить, а главное – понимать то, на что он отвечает «аминь». [Для этого] нужно говорить на понятном народу языке.

Я воспитан на старославянском, это моё. Когда служу по-старославянски – душа поёт! А когда служить пришлось по-гречески, я страдал, а не молился, т. к. боялся ошибиться. А у грека наоборот, наверно, поёт душа на родном языке. Народу не надо менять язык сразу. Я против модернизма всякого, но понятным делать – надо.

Церковь – не музей, а живой организм. А раз живой организм – он развивается. Нужно, чтобы всё новое принимал народ, но для этого надо время. 50 лет готовили до революции обновление церкви. Запросили архиереев, несколько томов есть. А кто

их знает, кто читал? Сейчас народа боятся все. И я тоже. А предложения в тех томах, что я говорил, были разные, вплоть до того, что «все семинарии закрыть и срыть фундамент, готовить все заново». И такое было предложено тогда.

Любое правительство хочет «иметь» церковь, т. к. это опасная организация. Контроль государства над церковью есть всегда и везде. Дело в методах. Мы действуем грубо. На Западе разумно, вежливо и умно манипулируют.

К 1980 г. Хрущёв хотел «попа последнего показать». Революция 1917 г. – это был паралич власти. Всегда выплывает в это время всякая шваль. Обновленцы себя и дело [обновления] дискредитировали. Ими сманипулировало государство, потом посадило. Получился конфуз и провал обновления. Неглупые люди в революцию взяли власть. Советская власть выиграла, а обновленцы погибли в Сибири. Теперь консерваторы спекулируют, само слово «обновленцы» настораживает, а это просто спекуляция консерваторов.

Сейчас ещё не время вводить русский язык. Будет время для него, но [это] готовить надо. Преступление наше в том, что не готовим языкового обновления.

Разумно, что церковь консервативна, но готовить надо понимающий народ. Без криков, без огласки надо готовить, чтобы службу народ понимал.

Богословское образование должно готовить новых священников, которые бы понимали современные проблемы. Схоластику понимать [тоже] надо, фундамент надо знать, но и на прежних фундамен-

Открытие нового, 1999/2000 учебного года в Свято-Филаретовском институте. Слева направо: протопр. Виталий Боровой, М.В. Шилкина, свящ. Георгий Кочетков, еп. Серафим (Сигрист)

тах возникли новые проблемы. Например, экология. Запад работает в этом направлении. Не очень хорошо, но работает.

Народу не только вере надо научиться, но и помогать ему справляться с новыми проблемами жизни. Обязанность церкви – помочь обществу обновиться и справиться с новыми задачами. Церковь не в стороне. Она служит народу и Богу, не вмешиваясь в политику, помогает народам объединяться на равных в дружную семью, [ибо] жить вместе легче.

Россия накануне Первой мировой войны шла такими темпами, что догоняла и перегоняла Запад

и США. Если бы не катаклизм революции, то Русь была бы более передовой, чем США и Запад.

Ясно, что всегда жить лучше вместе. Если церковь свои функции выполнит, дружба народов будет развиваться в нужном направлении. Историческая заслуга церкви – объединение русских, развитие культуры.

Молитва – не образец, но обязанность. В церкви молитва организована, и мы сами в церкви должны быть организованы. Хранитель веры – народ Божий. Священноначалие ведёт, учит, а народ поправит!

Перед выступлением и после него о. Виталий ответил на несколько вопросов

Не могли бы Вы рассказать о своей библиотеке?

Что о ней рассказывать? Я её собирал всю жизнь. Сначала, когда я приехал работать на Запад, мне дарили по бедности. Спасибо всем этим людям, конечно. Потом, когда сам стал зарабатывать, дарить перестали, а я покупал. Книги мне нужны сейчас для работы, а после меня тоже понадобятся многим. Хочу одну белорусскую поговорку привести (я белорус): «Жил-был мних², имел много книг, собирал всю жизнь, но не знал, что в них». Книги надо читать, а не рассказывать о них.

² Монах.

Кто лучшие богословы в мире сейчас?

Митрополит Иоанн Зизиулас, Христос Яннарас, покойные уже протопресв. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф.

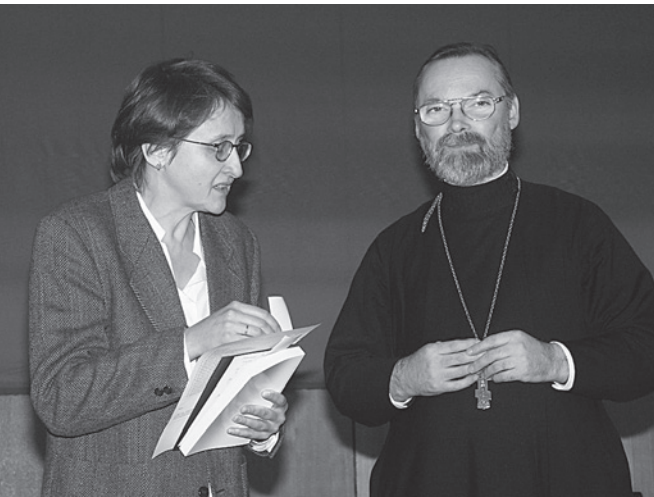
Что Вы можете сказать об о. Георгии Кочеткове?

Здесь не о чем говорить. Отец Георгий делает большое и нужное дело. И делает хорошо. Обсуждать нечего – надо помогать. А он поставлен в невыносимые условия. Нужно создать условия, чтобы он мог заниматься главным.

Оазис мирной, созидательной жизни

«Кифа» продолжает серию материалов, посвящённых 30-летию СФИ. В каждом из номеров преподаватель и студент рассказывают про очередные 5 лет жизни института. Сегодня речь о пятилетии 1998–2003 гг.

Беседовали *Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Анатолий Мозгов († 2008)*

Актовый день Свято-Филаретовского института. 2003 г.

Рассказывает выпускник Свято-Филаретовского института, студент Общецерковной аспирантуры и докторантуры **Максим Дементьев**

Вы заканчивали обучение на бакалавриате СФИ в 1999–2000 гг. Что Вам больше всего запомнилось?

Навскидку, пожалуй, назову курс Ольги Юрьевны Васильевой

по истории Русской православной церкви, особенно XX века. Очень интересным было и погружение в специфику документов, и причастность к живой недавней истории. Подкупали, с одной стороны, её традиционность, с другой – профессионализм и равнодушие. Получалось, что эта причастность к истории передавалась и тебе тоже.

Ещё вспоминается одна из моих студенческих работ, принёсшая большое вдохновение.

По литургии я делал обзор журнала «Богословские труды». Пришлось ехать в Синодальную библиотеку в Андреевском монастыре, там работать, и это было очень интересно. И хотя курсовая совсем простенькая, школярская, но в ней была сделана классификация литургических статей и публикаций БТ, она имела практическую ценность, так что через много лет я даже встретил её выложенную кем-то в интернет.

Встреча с абитуриентами. 1999 г.

О.Ю. Васильева
выступает на
конференции СФИ. 2004 г.

Также не могу не отметить каритативную практику. Тогда она была почти «стихийная», не так как теперь. Помню, я ездил в один из домов инвалидов и престарелых (на Нежинской улице). Это было погружение в какую-то иную жизнь (даже добраться туда можно было только на перекладных).

Оставался ли в это время, как в первое десятилетие жизни Института, упор на самостоятельную работу?

На рубеже 1997–1998 гг. было много предметов, по которым приходилось готовиться самостоятельно, с использованием литературы: некоторые преподаватели не выдержали тогдашней волны гонений на Преображенское братство и ушли из Института – кто-то добровольно, кого-то вынудили уйти наши «оппоненты», кто-то и сам под-

вергся гонениям, как отец Мартирий (Багин)...

Но уже в 1999–2000 гг. по большинству предметов были преподаватели, и начало 2000-х вспоминается мне как рост атмосферы академизма в преподавании.

Много ли студентов было на курсе, и многие ли доходили до конца обучения?

У нас изначально был большой курс, порядка двадцати человек, и без защиты до конца учёбы дошли многие. Но защищались тогда плохо, буквально единицы.

А почему?

Иногда у студентов не хватало собственных ресурсов, чтобы написать квалификационную работу. Было также непонимание её точных границ и требований. Многие могли бы её сделать,

но просто считали свои темы и планы слишком мелкими, хотели чего-то более значительного, может быть, на уровне диссертации.

Насколько я понимаю, в 2000-х руководство Института предприняло специальные усилия в связи с этой проблемой, и число защит увеличилось.

Была ли какая-то общая студенческая жизнь? Что-то объединяло вас кроме занятий?

Было единение, и именно христианское, братское. Мне особенно запомнилась замечательная агапа нашего курса поздней весной 1998 года. Выпал обильный мокрый снег, на улице было противно и промозгло, а мы после литургии сидели за трапезой, в тёплой квартире, и не могли разойтись. К сожалению, потом это единство со многими не сохранилось. **КФ**

Из истории СФИ

- декабрь 1997 года: в связи с гонениями на ректора СФИ священника Георгия Кочеткова и. о. ректора вплоть до 2002 года становится кандидат философских наук М.В. Шилкина;
- 1999 год: институт получает лицензию Министерства общего и профессионального образования РФ;
- 2002 год: Свято-Филаретовская высшая православно-христианская школа переименована в Свято-Филаретовский православно-христианский институт.

Вы начали преподавать в СФИ в конце 1990-х. Вы ведь в то время уже давно были сотрудником ФИАНа¹, имели научную степень?

Да, я уже был кандидатом наук.

И вдруг начали одновременно с этим преподавать богослужебную практику. Это никаких внутренних противоречий не вызывало?

К тому времени у меня никаких диссонансов со стороны физики не было. Противоречие между наукой и верой счастливо решилось, потому что у меня был настолько отчётливый опыт присутствия Бога в моей жизни, что не было вопроса, действительно ли верно то, чему учит Церковь. И научная деятельность моей церковной жизни не мешала.

А вот преподавать мне было страшно, особенно в первое время.

Богослужебная практика проходила в часовне Свято-Филаретовского института на Покровке. Каждое воскресенье в 7 часов утра небольшая группа студентов служила там мирянским чином утреню, а я каждое воскресенье вставал в 5 часов, в 6 выезжал из дома, чтобы к 7 часам попасть на Покровку. И так я эту утреню полюбил в конце концов, что без неё я теперь больше не могу. Если

в какое-то воскресенье на ней не побываю, то просто ощущение такое, что утро не наступило.

Была одна вещь, которой я и сам боялся, а потом студентов ей пугал. Дело в том, что за стенкой часовни располагается келья ректора, отца Георгия Кочеткова; он там иногда ночевал. И никогда точно не было известно, там он или нет. Бывало, студенты опаздывают, и вот в 7 часов вдруг неожиданно открывается дверь, и выходит отец Георгий, смотрит на всех пронизательным взглядом – и все понимают: да, опоздали, не готовы. Иногда он что-нибудь скажет, да и если ничего не скажет, то все понимают, что опаздывать нельзя. Я студентов этим не один раз страшил: «Вот видите эту дверь? Если вы опоздаете, то я вам гарантирую, что выйдет отец Георгий и увидит, что вы не готовы». *(Улыбается.)*

А вообще студенты как-то изменились с того времени?

Мне кажется, что современные студенты стали более дисциплинированными. Они, конечно, все разные, но в целом более собранные, более самостоятельные. Для меня большая радость, когда я вижу, что они справляются абсолютно без подсказок, без ассистирования. То есть они сами с нуля всё готовят, все читают. И когда они всё это делают сами и правильно, так приятно на это смотреть!

Период с 1998 по 2003 год включает в себя самый пик

гонений на Преображенское братство, на него нападали со всех сторон, но когда я разговариваю с людьми и они вспоминают о жизни института, такое ощущение, что его это в то время будто и не коснулось. СФИ дали лицензию Синодального отдела религиозного образования и катехизации в тот год, когда о. Георгий был под несправедливым запретом. Шло мирное, тихое строительство. Это так? Не было ощущения «осаждённой крепости»?

Да, институт в те годы был оазисом мирной, созидательной жизни. Я думаю, это поддерживалось усилиями конкретных людей. Да, никогда не было гарантии, что он будет в следующем году так же существовать, как и в прошлом. Но внутри это не ощущалось, не вызывало страха. Была вера в то, что мы делаем дело Божье, и поэтому, что бы ни было, Господь будет действовать, а мы будем стараться делать всё, что от нас зависит, для того чтобы эту волю Божью исполнять. И просвещением духовным продолжать заниматься, и собирать людей. И я думаю, что, конечно, это знак Божьего благоволения, то что Институт сохранился в самые тяжёлые годы жизни Преображенского братства. То направление, которое отец Георгий дал Институту, было очень созвучно тому, что было нужно церкви. Поэтому и Господь защищал, и люди как-то откликались, и Господь давал людям силы всем этим гонениям противостоять. **КСФ**

¹Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН – один из крупнейших и старейших научно-исследовательских центров России. Его научная тематика охватывает практически все

основные направления физики. Институт состоит из шести отделений, приравненных в основных направлениях к научно-исследовательским институтам РАН.

Прерванный собор

Третья сессия Великого Московского собора завершила свою работу сто лет назад, 7 (20) сентября 1918 года

Обзор подготовила Александра Кольмагина

Не претендуя на подробный обзор, расскажем о некоторых сторонах этих двух месяцев работы Поместного собора 1917–1918 гг.

Исторический контекст

Ещё продолжалась Первая мировая война. В результате заключённого большевиками Брестского мира и договоров Германии с сепаратистскими правительствами различных областей бывшей Российской империи были отделены от России или заняты немцами Польша, Финляндия, Прибалтика и большая часть Украины (немцы заняли также Ростов, Таганрог, Белгород; освободят они все занятые области лишь к концу 1918 года по условиям Компьенского перемирия между Германией и странами Антанты).

Многочисленные и очень разнородные силы выступили по всей стране против захвата власти большевиками – от Добровольческой армии, кубанского и донского казачества на Юге России, амурского, забайкальского, оренбургского и уральского казачества Урала и Сибири до случайно

втянутого в это противостояние чехословацкого корпуса и эсеровских правительств в Поволжье и Омске. За время работы третьей сессии этими силами были заняты практически весь Юг России, Сибирь, Урал, Поволжье. В начале июля в Москве, Ярославле, Рыбинске, Муроме произошли недолгие восстания левых эсеров.

Всё активнее разгорались гонения на церковь. Это влияло и на ход обсуждения. В начале сессии соборяне не спеша десять и более заседаний подряд рассматривали положение о монастырях и монашестве, не представляя себе, что всего через два года Соловецкий монастырь, который они приводят в пример как удачную форму компромисса с властями, закроют, и на его месте будет концлагерь, а менее чем через двадцать лет в новгородской глуши закроют самый последний из уцелевших на территории СССР монастырей¹. Ближе к сентябрю такое же неспешное постатейное чтение документа о церковном суде более чем в половине случаев уже перемежалось активным обсуждением гонений.

Членам собора всё труднее было добираться в Москву (осо-

бенно через линию фронта), и если в первой сессии участвовало большинство членов Собора (почти 500 человек), во второй – около половины, то в третьей – от силы треть².

В Екатеринбургe накануне открытия заседаний собора большевиками был убит император Николай II с супругой и детьми, в Алапаевске были убиты Великая княгиня Елизавета Фёдоровна с инокиней Варварой и трое членов семьи Романовых. Именно это известие стало последней каплей и прекратило споры, открывать ли третью сессию³. И началась она с панихиды по убиенному императоре (по «большевистскую» сторону фронта, в Москве, было объявлено только об убийстве Николая II, об остальных жертвах ещё долгое время не было известно).

Споры об отношениях с властью

Казалось бы, антихристианская природа советской власти к моменту начала третьей сессии Собора должна была для всех стать очевидной. Уже во время второй сессии (на заседании от 15 (28) марта 1918 г.) было решено образовать комиссию, которая

¹ После полного уничтожения всех монастырей на территории СССР они появились на ней вновь только после присоединения в 1939–1940 гг. Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики, где оставались не закрытыми монастыри и храмы. Закрыть их все до начала Великой Отечественной войны советская власть не успела, а позже изменилась её политика по отношению к церкви. Из 16 монастырей, существовавших в СССР в 1960-е – 1980-е годы, большинство располагалось именно в этих областях, остальные были открыты в 1940-е годы.

² Вопрос о том, чьё отсутствие оправдано, а чьё – нет, время от времени поднимался и достаточно подробно обсуждался. Кто-то из членов Собора присылал себе замену, кто-то из отсутствующих по неуважительной причине лишился звания члена Собора.

³ Споры были вызваны тем, что большевики отняли под заседания V съезда советов помещения Московской духовной семинарии, где обычно жили соборяне, потворствовали разграблению находившегося там для пропитания членов собора продовольствия и тянули с возвращением помещений; соборяне ютились где придётся и искали себе пропитание сами.

В течение нескольких заседаний Собора обсуждалась судьба кремлёвских Чудова и Вознесенского монастырей. Поверив обещаниям большевиков оставить часть насельников и защитить «являющиеся народным достоянием» святыни кремлёвских соборов, соборяне отменили намечавшийся крестный ход с изнесением из Кремля церковных святынь. Но не пройдёт и полугодия, как по всей России прокатится кощунственная кампания по вскрытию мощей (включая и мощи свт. Алексия Московского, хранящиеся в Чудовом монастыре), а ещё через 10 лет оба монастыря будут до основания разрушены

должна была собирать все факты преследований за веру⁴. Ближе к концу третьей сессии постоянными темами обсуждений становятся вопросы, что делать с реквизицией церковного имущества, как противодействовать закрытию храмов, как защищать церковные святыни. Очевидной становится необходимость защиты патриарха, а сообщения о постоянно происходящих убийствах постепенно начинают восприниматься как неизбежный кратко отмеченный пункт повестки, почти дословно повторяющийся из заседания в заседание и отличающийся лишь именами погибших: «63. Секретарь оглашает донесение епископа Вятского Никандра о расстреле по распоряжению местной гражданской власти настоятеля Преображенского Собора г. Слободского протоиерея Алексея Лопатина. Собор воспекает «Со святыми упокой»...»⁵.

Тем не менее главный путь противодействия этому видится в попытках договориться (этим тоже занимается отдельная комиссия, чьё дело – переговоры с

большевиками; в основном этим занимается юрист Н.Д. Кузнецов). Власть играет с представителями церкви как кошка с мышью: то угрожает (например, немедленно забрать помещения кремлёвских Чудова и Вознесенского монастырей и выселить всех монахов), то немного будто отступает (разрешает оставить часть насельников), то уверяет, что святыни кремлёвских соборов – народное достояние, и власть сама их и защитит. Это мы теперь знаем, что оба эти монастыря, основанные в XIV веке, будут разрушены в 1929 году; соборяне этого, как и много другого, ещё не знают. И всё же кто-то пребывает в иллюзиях о договороспособности власти большевиков, а кто-то уже выступает с трезвой и очень резкой оценкой ситуации: «15. А.В. Васильев: ...по-моему, современная власть это тот разряд людей, про которых сказано Господом нашим Иисусом Христом: «Вы дети отца вашего диавола. Он был лжецом и человекоубийцей искони, и вы волю отца вашего творите». Вот моё отношение к этой власти, сон-

му богоотступников и богоборцев. Оно совершенно ясно. Русский народ почти 1000 лет считает себя православным, он забыл, что он когда-то был не православным христианином, а поганым, или язычником... Думаю, что настало время сейчас сказать, что держатели современной власти, как неверы и богоотступники, не могут править православным народом. В своё время, т. е. ещё вслед за прошлогодним февральским переворотом, когда отменена была молитва в войсках и христианские знамена были заменены красными тряпками без христианских изображений и символов, это не было сделано. Следует сделать это теперь. Я держусь того же взгляда, как и В.И. Зеленцов, всякие хождения по безбожным совдепам надо прекратить, ибо это роняет достоинство церковной власти. Нужно сказать твёрдое слово народу о том, что богоотступники настолько обнаглели, что уже накладывают свою поганую руку и на самое дорогое для него, и призвать, следовательно, народ к отстаиванию того, что ему дорого,

³ В состав комиссии изначально входили члены Собора архимандриты Вениамин и Матфей (Померанцевы), протоиереи П.Н. Лохостский и П.А. Миртов, миряне Г.И. Булгаков, И.И. Беликов, М.Ф. Глаголев, В.И. Зеленцов, Н.Н. Медведков и

Т.Н. Нечаев. Однако в ходе третьей сессии на одном из заседаний о. Павел Лохостский замечает, что в комиссии всего два человека: он и прот. П.А. Миртов.

⁵ Протокол № 163, 30 августа (12 сентября) 1918 года.

не только словами, но и действием. (Голоса: Довольно, будет!) Для вас довольно, ну и сидите, и молчите...»⁶

Эти голоса очень редки и, как видно из цитаты, не встречают поддержки. И продолжить эту дискуссию у соборян больше не будет возможности.

Темы третьей сессии

Темы дискуссии были настолько разнообразны, что можно лишь посоветовать нашим читателям заглянуть в сборники Деяний собора. Кроме самых крупных постановлений – о монастырях и монашестве и о церковном суде, занявших не одно заседание, обсуждались вопросы второбрачия и целибата священнослужителей, разукрупнения епархий, служения женщин, внешкольного просвещения, церковного имущества и хозяйства...⁷

Интересно отметить, что не раз упоминался положительный пример братской жизни – от многочисленных сестричеств до братства учёного монашества, говорилось о необходимости оглашения и даже в тяжёлых исторических обстоятельствах лета 1918 года время от времени вставал вопрос о православной миссии.

Ближе к сентябрю стало ясно, что некоторые доклады Собор не успеет обсудить. Среди них был доклад о церковно-богослужбном языке. Он был передан «на разрешение Сопещания еписко-

пов». Заявление же 34 членов Собора с просьбой вменить в обязанность органам Высшего церковного управления безотлагательно принять все возможные меры к усовершенствованию русской церковно-богослужбной практики было передано «на разрешение Святейшего Патриарха и Священного Синода»⁸.

Прервать, а не закрыть

30 августа (12 сентября) 1918 года обсуждалось заявление 41 члена Собора с просьбой принять решение: «...окончательно ли будет в ближайшем времени закрыт Собор или последует только перерыв его занятий до новой сессии» и заявление 75 членов Собора с предложением «не закрывать Собор, а сделать лишь перерыв его занятий». Вот фрагменты дискуссии: «Выступают епископ Охтенский Симон. Собора ждали 200 лет как великого дела и мечтали, что он наполнит нашу церковную жизнь высоким, святым и вечным. Отсюда понятно будет разочарование, когда Собор прекратит свою деятельность, не выполнив возлагаемых на него надежд, отсюда же понятна и скрупулёзность в постановке самого вопроса: прекращать или только прервать деятельность настоящего Церковного Собора. Когда заканчивалась вторая сессия занятий Собора, то в постановлении Собора было ясно и определённо сказано: прервать

деятельность Собора. Так нужно сказать в настоящем случае. Собор всем дорог и с ним связано много надежд и упований; поэтому возвращаться по домам с сознанием, что Собор окончился и неизвестно, соберётся ли вновь, не хотелось бы. Много Собором сделано, но многое ещё не сделано. Нужно влить в сердца уверенность, что недоделанное будет dokonчено. Обстоятельства переживаемого времени тяжёлы, но не следует падать духом и сдаваться им в плен...» Было принято решение занятия Собора прервать (а не завершить) и предоставить Святейшему Патриарху определить время и место возобновления занятий Собора.

Однако эти занятия так и не были возобновлены. Подконтрольные советской власти обновленческие соборы и последовавшие за «вторым восстановлением» патриаршества «сталинский» и «брежневский» поместные соборы 1945 и 1971 гг. вряд ли кто-то сочтёт в какой бы то ни было мере наследниками Поместного собора 1917–1918 гг. Увы, это касается и соборов 1988 года (когда церковь только начинала отходить от обморока), 1990 и 2009 годов (посвящённых только выборам патриарха).

Вопросы же, обсуждение которых сто лет назад надеялись закончить соборяне, так и остались нерешёнными. **КФ**

⁶ Деяние № 154, 20 августа (2 сентября) 1918 года.

⁷ О тоне и содержании обсуждения этого, казалось бы, «будничного» вопроса многое могут сказать слова председателя Отдела церковного имущества и хозяйства архиепископа Кишинёвского Анастасия (Грибановского): «Церковь будет независима от государства, когда сможет сказать о себе словами Апостола Павла: “Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал. Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии” (Деян 20:33–34). Если Священный Собор положит первое основание будущему экономическому устройству церковного хозяйства, то и тогда он совершит великое историческое дело. Будем устраивать благосостояние Церкви на взаимном труде, взаимной помощи и благодатной помощи Божией» (Протокол № 147, 8 (21) августа 1918 года).

⁸ Протокол № 163, 30 августа (12 сентября) 1918 года. Видимо,

опираясь на это решение (и, возможно, последующее незапротоколированное обсуждение), впоследствии, в начале 1930-х, митрополит Сергей (Страгородский) писал в справке, выданной иером. Феофану (Адаменко): «...мною дано Ильинской общине г. Н. Новгорода благословение на богослужение на русском языке, но с тем непременным условием, чтобы употребляемый у них текст богослужения был только переводом принятого нашей Православной Церковью богослужбного славянского текста без всяких произвольных вставок и изменений (резолуция от 24 янв. 1932 года, п. 2)... Руководствуясь примером покойного Святейшего Патриарха, я не нахожу препятствий к тому, чтобы Преосвященные епархиальные архиереи, если найдут полезным, разрешали иеромонаху Феофану (или другим) то же самое и каждый в своей епархии».

В братствах миряне почувствовали ответственность за церковь

Интервью с дьяконом Сергием Паламодовым, участником конференции «Православные братства в истории России» (Санкт-Петербург, февраль 2018 г.), клириком храма свт. Николая Чудотворца на ул. Лебедева (Санкт-Петербург)

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: с сайта www.mitropolia.spb.ru

Сергей Юрьевич, скажите, пожалуйста, насколько, на Ваш взгляд, изучение истории братств и других духовных союзов важно для знания и понимания церковной истории?

Евангелист Лука, обращаясь к Феофилу, предваряет евангельскую историю указанием причины её написания: «чтобы ты узнал твёрдые основания учения, в котором наставлен» (Лк 1:4). И изучение истории православных братств – это одна из важных составляющих частей истории Русской Православной Церкви и Церкви Вселенской, которая помогает нам, подобно древнему Феофилу, осознать непоколебимость евангельской истины. Внимание к православным братствам, особенно на рубеже 1920-х годов, имеет не только академическое, но и прикладное значение для нашей настоящей и будущей церковной жизни. Это не только помогает нам осознать исторический контекст и понять причинно-следственную связь тех событий, которые происходили тогда, но и даёт нам ориентир для решения важных практических вопросов: как найти своё место в Церкви; как нам сейчас, в наших современных условиях, строить церковную жизнь в братствах и на приходах; как мирянам выстраивать взаимоотношения между

собой, со священнослужителями, с церковным начальством; как жить в Церкви с Богом?

В церковной истории есть парадокс, который поступательно формировался на протяжении сотен лет: число канонических правил о епископах, клириках и мирянах обратно пропорционально их количеству. То есть в области канонического права мы наблюдаем странную, дисгармоничную картину: больше всего правил посвящено административному управлению церковью, епископам и клирикам, меньше всего – лаикам, или мирянам. Получается, что права лаиков, которые, с одной стороны, представляют собой самую многочисленную часть церковного народа, с другой стороны, являются опорой и главным спонсором Церкви (потому что пожертвованиями этого народа живёт церковь – от этого никуда не денешься), очень скудно представлены в каноническом праве. Духовный регламент, принятый при Петре I, а вслед за ним Устав духовной консистории продолжили и усугубили эту традицию: миряне в этих право-

Миряне, почувствовав свою ответственность за судьбы церкви, были воодушевлены этой ответственностью как хранители – в буквальном смысле хранители – церкви, веры, предания, церковных святынь, церковного достояния.

устанавливающих документах не упоминаются вообще за одним-единственным исключением: в одном из положений говорится, что христианину должно поучаться православной вере от своих пастырей. Иначе говоря, каноны отводят мирянам роль стада, и стада бессловесного, которое могло только участвовать в богослужениях и вносить пожертвования.

И вот, Поместный собор 1917–1918 гг. частично исправляет это положение и снимает печать молчания с уст мирян, получивших необыкновенно обширные права, которых они были лишены на протяжении сотен лет. Принятые тогда соборные постановления были не просто декларацией, но отражением жизненно важных изменений церковной жизни. Они были реализованы на практике: миряне участвовали в выборах епископов и священников, содержали церковное имущество и управляли им, проповедовали в храмах. Более того: миряне, как наиболее независимые от светской власти, получили приоритет в миссионерском служении и благовествовании слова Божьего. На основании постановлений Поместного собора аналогичные решения о привлечении мирян во всех областях церковной деятельности принимались на уровне епархий. Голос мирян стал слышен, они стали, по сути, той силой, которая физически,

реально, практически отстаивала интересы Церкви перед натиском безбожных властей.

Как Вам кажется, что может быть наиболее важным из известного нам опыта исторических братств для сегодняшней жизни православных братств?

На мой взгляд, самое важное не то, какие формы современные православные братства используют из того, что было прежде – формы социального служения, просветительской деятельности, благотворительности, миссии и т. д. Я считаю, самое главное, что должно быть на вооружении современных православных братств, – это та свобода, та инициатива, то духовное воодушевление, которое двигало мирянами после революции, когда церковь, одномоментно лишившись опоры в государстве, оказалась предоставленной самой себе. В этом сложном положении церковь нашла надёжную опору в народе Божиим, в мирянах. А миряне, почувствовав свою ответственность за судьбы церкви, были воодушевлены этой ответственностью как хранители – в буквальном смысле хранители – церкви, веры, предания, церковных святынь, церковного достояния. Инициатива мирян проявилась в самых разных служениях, которые были актуальны для какой-то конкрет-

ной общины или для какой-то конкретной местности. И там уже, что Бог на душу положил, тем они и занимались – тем, что им было нужно здесь и сейчас, что невозможно было прописать никаким циркуляром, что было актуально для них.

Если мы посмотрим на уставы первых православных братств, которые регистрировались при приходах, формировали «двадцатки», арендовали у властей свои храмы и обязались содержать в порядке всё имущество, которое им доставалось по договору аренды, то многие из них выглядят сегодня наивно. В них прописаны не столько структура деятельности братств (это как бы второстепенная вещь), сколько самые главные основы их жизни и взаимодействия братьев и сестёр между собой. Уставы фиксировали, что братства должны быть проникнуты духом христианской любви и семейных отношений, духом взаимной помощи и служения ближним, т. е. всем тем, что должно отличать христиан в этом мире – именно на этом в них делался акцент. Уставы некоторых приходских братств тех лет невозможно читать без слёз, настолько они созвучны Евангелию, настолько соответствуют тем настроениям первых христианских общин, о которых мы читаем в книге Деяний апостолов, – когда у

Собрание одной из общин трезвенниц. Конец XIX – начало XX века

верующих была одна душа, всё у них было общее, не было нуждающихся и разделяли каждому по нужде его, кто чем был богат. Это действительно существовало в православных братствах в начале 1920-х годов, когда они возникали в условиях голода, в условиях нищеты, гражданской войны, когда именно взаимная любовь была сердцем христианского служения и помогала людям выживать и друг друга поддерживать.

Сейчас издан сборник материалов конференции о братствах¹, которая проходила в феврале в Петербурге. Узнали ли Вы из этого сборника что-то новое и неожиданное?

Сборник, на мой взгляд, получился совершенно замечательный, потому что в нём православные братства представлены в широкой палитре исследований, которые освещают эту многогранную проблему с разных сторон. И для меня как человека, имеющего довольно узкие научные интересы (я занимаюсь в основном историей «народных трезвенников» братства Чурикова), многие мои догадки, которые раньше виртуально где-то носились в воздухе, на уровне предположений, вдруг

стали осязаемыми, обрели конкретные черты, когда я увидел результаты изысканий других исследователей. Мне стали понятнее те проблемы, которые стояли в своё время перед «народными трезвенниками», перед «братцем» Чуриковым, и то, как он их решал. В этом отношении, конечно, я совершенно искренне удивляюсь действию промысла Божия. Откуда у Чурикова такая духовная интуиция? Как человек, не имеющий никакого образования, ни духовного, ни светского, никогда в школу не ходивший и научившийся у отца в домашних условиях с горем пополам писать и считать, – как он смог так чутко уловить те принципы взаимоотношений между людьми, знание которых необходимо для построения многочисленного духовного братства, стремящегося в своей деятельности реализовать тот идеал жизни ранней церкви, к которому мы все стремимся? Когда я начал рассматривать «народных трезвенников» в контексте истории православных братств, я удивился, насколько «братец» попал «в точку». Но его беда заключалась в том, что он сделал это слишком рано, из-за чего хлебнул много горя. Он опередил своё время примерно на двадцать лет.

Слава Богу, что Поместный собор 1917–1918 гг. внёс некоторую ясность в вопрос о служении мирян в церкви. Это было важно не только для тех, кто стремился к организации братств и к активной церковной жизни, но и для церковного начальства, потому что теперь у него появились законные, канонические основания для того, чтобы разрешать, благословлять и направлять активную деятельность мирян в законное русло.

Может быть, у Вас будут какие-то пожелания к организаторам конференции? Ведь в феврале будущего года будет её продолжение.

У меня пожелание только одно: продолжать исследования и выходить на большую глубину. Потому что, на мой взгляд, история православных братств сейчас недоисследована, изучена бедно и мало. Поэтому да будет благословение Божие над организаторами этого замечательного мероприятия и всеми исследователями, которые трудятся на этой ниве, работают в архивах, извлекают на свет Божий документы, предадут их гласности, чтобы эти важные открытия из прошлого помогали нам в нашем церковном будущем. **КСФ**

¹ Подробнее о сборнике можно прочитать на сс. 26–27. – Ред.

Новый пласт исторического знания

Интервью с составителем сборника материалов конференции
«Православные братства в истории России» Сергеем Владиславовичем Смирновым

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Выходит из печати сборник научных статей, посвящённых истории православных братств. В чём его особенности?

Наш сборник основан, прежде всего, на тех докладах, которые впервые прозвучали на конференции, проходившей по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия в феврале 2018 года в Санкт-Петербурге. Конференция была посвящена столетию известного воззвания патриарха Тихона о создании духовных союзов, поэтому в фокусе внимания большинства авторов были братства и другие духовные союзы в годы революции, а также в годы, ей предшествующие и непосредственно за ней следующие.

При подготовке сборника многие доклады были в значительной степени переработаны и представлены для публикации в качестве статьи. В сборник включены также основные моменты дискуссий, вызванных тем или иным сообщением, а также материалы большого круглого стола, посвящённого перспективам братского движения в наши дни. Получилось довольно объёмное издание: 33 статьи, другие материалы – всего больше 650 страниц. Думая об интересах читателя, о том, чтобы не было слишком тяжело носить такую книгу и её листать, мы решили издать её в двух частях, по смыслу представляющих собой единое целое.

Нужно отметить, что среди наших авторов были не только профессиональные историки и известные богословы, но также вчерашние (и даже нынешние) студенты старших курсов. Конечно, уровень осмысления и обобщения фактического материала у них, возможно, оставляет желать лучшего, но все они работали в архивах, изучали историю тех или иных

братств в основном по первоисточникам – отчётам, публикациям тех лет, мемуарам и т. п. Поэтому многие аспекты церковной истории тех лет освещаются в нашем сборнике впервые. Кроме того, значительное количество сюжетов (в некоторых статьях рассматривается история не одного, а нескольких братств) создаёт своего рода кумулятивный эффект, который может привести даже к качественным изменениям представлений об истории православных братств и их роли в жизни Церкви.

Ведь что было известно о православных братствах лет 25–30 назад? Что 500 лет назад в Юго-Западной Руси были православные братства, противостоявшие унии. Потом ещё сколько-то лет прошло, и стало известно, что после революции в Петрограде существовало братство Александра Невского. Ну, ещё какие-то братства где-то были, но всё-таки это казалось каким-то исключением и чем-то нехарактерным и маловажным для жизни Русской церкви. После знакомства с нашим сборником, содержащим значительный корпус исследований, посвящённых братствам в разных городах, в разных губерниях, в разных ситуациях, это впечатление рассеивается. И, наоборот, становится ясно, что братства были явлением не только заметным, но и принципиально важным в церковной жизни.

На какого читателя сборник ориентирован?

Прежде всего на историков. Ведь по большей части он содержит работы, основанные на неизвестных или малоизвестных архивных документах. Наш сборник может дать «сигнал» профессиональному историческому сообществу, что тема истории православных братств и других духовных

ПРАВОСЛАВНЫЕ
БРАТСТВА
В ИСТОРИИ РОССИИ
К 100-летию воззвания
патриарха Тихона
об образовании
духовных союзов

СБОРНИК НАУЧНЫХ
ТРУДОВ | 2018

УСТАВЪ

Московского Братства-Союза ревнителей
проповеди и церковной жизни.

§ 1. Цель Братства-Союза: на основах христианства, ревнующих о своем спасении и обновлении жизни церковной.
§ 2. Для достижения этой цели Братство-Союз пробуждает сердца православных в разных местах Москвы и вне ее путем живых проповедей, немедленно после этого иль среди проповедей слушателей устраивает маленькие группы христиан Братства и помогает организовывать их на основах православия.

ПРАВОСЛАВНЫЕ
БРАТСТВА
В ИСТОРИИ
РОССИИ

К 100-летию воззвания патриарха Тихона

С.В. Смирнов

союзов сейчас является востребованной и актуальной.

Думаю, что сборник может быть также интересен, как говорится, широкому кругу читателей, интересующихся церковной жизнью и задумывающихся о её истории и её устройении. Это могут быть миряне, ищущие осознанной и ответственной жизни в церкви. Это могут быть священники, которые думают о том, как и в каких формах вести свою пастырскую работу. Это могут быть архиереи, которые призваны хранить границы церкви и потому должны ясно представлять, что в церкви нормально, а что ненормально, что связано с какими-то искажениями, а что, наоборот, содействует укреплению церковного единства и церковной веры. Поэтому все, кто хочет как-то осмыслить церковную жизнь, конечно, должны были бы быть заинтересованы в том, чтобы познакомиться с нашим сборником и другими материалами по истории братств. Наш сборник хоть и не первая публикация на эту тему, но самая обширная по охвату и многообразию примеров.

Думаю, что сборник должен быть интересен для учебных заведений, прежде всего семинарий и духовных академий. Мне кажется, что с течением времени какую-то часть курса истории Русской церкви просто невозможно будет не посвящать истории братств и других духовных союзов. Всё-таки это очень своеобразная страница церковной истории и церковной жизни, и в своих учебных заведениях церковь, конечно, должна тех, кого она учит, как-то в этой проблематике ориентировать.

На мой взгляд, основной нерв подчас довольно жёстких дискуссий в этой сфере – как вообще

относиться к православным братствам? Кто-то почитает их проявлением чуть ли не сектантских тенденций; кто-то считает нормальной и традиционной формой церковной жизни, более или менее востребованной в разные исторические времена и в разных условиях; кто-то видит в них воплощение такой неотъемлемой внутренней черты церковной жизни, как соборность. Для того чтобы любой из этих тезисов не становился идеологией, нужно представлять реальность церковной жизни, и наш сборник даёт каждому читателю возможность расширить свой кругозор и, может быть, отказаться от каких-то своих идеологем в пользу более яркой и объёмной картины мира.

Наконец, особенно нуждаются в таком сборнике члены существующих сейчас православных братств. Многие из них под напором оппонентов, до сих пор отрицающих возможность братского устройства церковной жизни, начинают считать себя чуть ли не маргиналами в церкви. Конечно, их поддержит простое знание о том, насколько братства – распространённая, хотя и изрядно к нашим дням забытая практика церковной жизни.

В феврале 2019 года в Екатеринбурге пройдёт следующая конференция, на которой в центре внимания будет жизнь и деятельность братств в период гражданской войны. Мы надеемся, что после неё мы также сможем подготовить аналогичный сборник. Постепенно хотелось бы сформировать научную и церковную среду, в которой тема православных братств воспринималась бы не только как чисто академическая, но как имеющая практическое значение для современной церковной жизни. **КФ**

Последнее интервью

Скончался Виталий Александрович Шенталинский.
Мы публикуем интервью, которое он незадолго до кончины дал нашей газете

Беседовала Анастасия Наконечная. Текст репортажа и фото: Юрий Крапивин

На отпевании В.А. Шенталинского

Отпевание Виталия Александровича Шенталинского – русского писателя, поэта, прозаика, журналиста и общественно-го деятеля, создавшего общественную комиссию по литературному наследию репрессированных писателей, прошло 31 июля в храме Преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе (Москва).

Прощаться пришли родственники, друзья, товарищи по арктической экспедиции, представители общества «Мемориал» и историко-литературного общества «Возвращение», Свято-Филаретовского института, Преображенского братства. Кроме москвичей присутствовали жители Твери, Воронежа, Чистополя (Татарстан).

Виталий Шенталинский называл себя литератором, но то, что он сделал для людей и истории России XX века, нельзя исчерпывающе обозначить этим словом. Большую часть своей жизни он посвятил теме репрессий – репрессированному слову и репрессированной мысли. Без его участия много имён русской литературы не вернулись бы, были бы нам неизвестны.

Выступления его запоминались своей афористичностью. Многие высказывания стали заголовками

публикаций: «Без памяти нет сознания, а без сознания нет человека», «Достаточно одной свечи, чтобы тьма рассеялась»...

Он постоянно напоминал, что в России не было судебного процесса, на котором были бы осуждены преступления советской власти. И вечера памяти, посвящённые репрессированным писателям, называл «настоящим Нюрнбергом», одновременно предостерегая: «Сталин живёт в каждом из нас!»

Многие говорили о свете, которым щедро делился Виталий Шенталинский.

«Его приезды в наш город всегда были светлыми праздниками, – вспоминал Вячеслав Битюцкий (Воронеж, «Мемориал»). – Мне он всегда казался человеком, наделённым Божьей любовью – общей ко всем».

Мария Лавренова передала слова о благодарной памяти членов Преображенского братства из Твери: «Он запомнился нам рыцарем правды, чести и достоинства, очень красивым человеком во всём – и в облике, и в сердце. Я благодарю Бога за то, что посчастливилось встретиться с этим человеком. Воспоминание об этой встрече связано со светом».

Вспоминая писателя, говорили и о том, что он «был не Божьим рабом, а Божьим соратником». «Он понимал, что мы не сможем жить, пока не будем очищены, пока не проснётся наша историческая память. Он вкладывал много сил в свои книги не ради собственного творчества, а ради воскрешения творчества и имени репрессированных писателей и поэтов».

Возвращение имен, воскрешение личности в истории, сохранение памяти – задача не только гражданская. Наиболее точно об этом сказала Мария Шенталинская, дочь писателя: «Для нас его жизнь – высокая планка любви и чувствования Бога. Он вкладывал в каждого из нашей семьи частичку своей души – так же как и в историю. Он жил в вечности – в вечности предков, вечности будущих поколений, вечности истории мира, вечности истории России».

Там, в Магадане, мы говорили о том, что память надо сберечь, что пройдёт время, колючая проволока истлеет, люди умрут, и эта память канет в вечность, причём память о каждой судьбе. А ведь помните, как Андрей Платонов говорил: «Без меня народ не полон».

Вы первым в нашей стране начали работу с архивами репрессированных писателей. Как Вы на это решились? Наверняка было трудно приступить к этой теме?

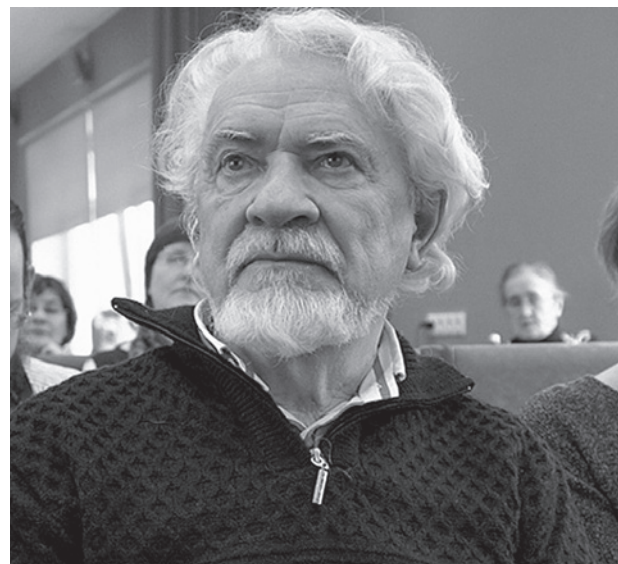
Я когда-то много лет жил на Колыме, в Магадане – работал журналистом. В то время, в 1960-е годы, в тех краях было ещё много бывших политзэков. Они были выпущены, но уже потеряли прописку, а значит, возможность жить на Большой земле, и осели на Колыме. И там, в Магадане, мы говорили о том, что память надо сберечь, что пройдёт время, колючая проволока истлеет, люди умрут, и эта память канет в вечность, причём память о каждой судьбе. А ведь помните, как Андрей Платонов говорил: «Без меня народ не полон». То есть каждый человек, если он рождается на свет, несёт какой-то особый Божий замысел о себе.

Уже тогда я начал что-то записывать. Но прошло очень много лет, прежде чем это удалось поставить на более широкую ногу. Только ближе к концу 1980-х появился исторический шанс вернуть наше во многом утраченное историческое сознание, историческую память, распечатать «черный ящик» Лубянки и добыть правду о тех людях, память которых там томилась, судьба которых была фальсифи-

цирована, даты смерти намеренно искажены.

И в первую очередь я подумал о писателях – не потому, что я сам пишу и всегда писал, а потому что писатель – это такая профессия, которая аккумулирует сознание и память многих людей. Они как бы говорят за многих. Кроме того, Россия – это страна великого слова, великой литературы. И тогда мне пришло в голову создать писательскую комиссию, сплотить усилия разных писателей, для которых эта тема важна. Такая встреча произошла. И мы встретились у Булата Окуджавы. Он был первым, кто поддержал эту тему. Ещё были Анатолий Жигулин, Олег Волков, Виктор Астафьев. Большая группа писателей решила, что да, надо воскресить память, и самое главное, память писателей. Надо хотя бы исполнить то, что завещала Анна Андреевна Ахматова: «Хотелось бы всех поимённо назвать, да отняли список и негде узнать». Сейчас я уже могу сказать, что за годы советской власти было репрессировано более трех тысяч литераторов. Около половины из них погибли в тюрьмах и лагерях, были расстреляны. И эта цифра неполная. До сих пор это как звёздное небо: смотришь, и всё новые и новые звёздочки проблещивают.

На эту работу ушли годы, потому что было очень много

В.А. Шенталинский
(1939–2018)

противников этого дела: нас тормозили, нам угрожали. Но в 1989 году нам удалось-таки добраться до архивов следственных дел писателей, и мы тут же начали их публиковать. Эта работа продолжалась много лет, и на основе этих материалов я и писал свои книги.

Как долго Вы смогли этим заниматься и продолжаете ли работать сейчас?

Сама работа в лубянских архивах заняла примерно три года. Потом эти архивы начали закрываться под разными благовидными предлогами – например, в связи с тем, что личную память трогать нельзя. Они не говорили, что им жалко выдавать своих стукачей. Да мы и не хотели их стукачей. У них свои герои, у нас свои герои. И когда мне сказали в начале работы: «Виталий Александрович, мы Вам Павлика Морозова не отдадим», я ответил: «Берите его себе, а нам отдайте Мандельштама, Флоренского, Платонова. У нас другие герои». Тем не менее эту работу стали тормозить. Да, к тому времени нам удалось что-то сделать. Но эта тема требует гораздо больших

усилий. Это же огромная работа для целого института. Во всяком случае, трудность была не только в том, чтобы открыть архивы. Для меня главной целью было найти репрессированное слово, потому что для писателя слово важнее даже его физической жизни. Писатель живёт столько, сколько его читают. И к счастью, удалось найти большое количество рукописей, в том числе неизвестных. Среди них и неизвестный роман Андрея Платонова, и дневник Михаила Булгакова, который сотрудники спецслужб похитили у него... Удалось найти даже неизвестное письмо Льва Николаевича Толстого: он написал его в 1909 году одному учителю, который спрашивал о смысле жизни, а этот учитель в годы советской власти был репрессирован, погиб, и в его следственном деле осталось замураванным это неизвестное письмо Льва Толстого.

В ходе нашей работы приходилось вносить поправки в энциклопедию, потому что у многих людей даты смерти были фальсифицированы. В основном они были перенесены на годы войны, чтобы люди думали: убит фашистами. Помню, в журнале «Огонёк» я напечатал очерк о гибели отца Павла Флоренского (это была одна из первых таких публикаций). И возмущённые читатели тут же прислали письма: почему Шенталинский пишет, что Флоренский был расстрелян в годы Большого террора, и год указывает, и дату смерти, в то время как достаточно взглянуть в энциклопедию, чтобы узнать, что он умер в 1942 году?! Вот что закрепилось в сознании

людей: что энциклопедия – это истина в последней инстанции. Распространилось непонимание того, что история – это не какое-то застывшее, раз и навсегда написанное утверждение, что это живая и меняющаяся ткань, текущая река. И вот бывают такие времена, когда надо вносить поправки в энциклопедию, когда надо прояснять, а нам-то уж после XX века надо было не просто уяснять и уточнять факты, нам нужно было открыть глаза на нашу историю. И мы до сих пор их не открыли. Мы увидели жуть и захлопываем глаза и говорим: «Ой, у меня давление, ой, не грузите меня этим». Это ответственность, это настолько тяжкий груз, это память порой совершенно непереносимая. Но кто-то должен брать на себя эту работу памяти. И особенно я ценю Преображенское содружество малых православных братств за то, что вы взяли на себя эту миссию. Я называю вас «золотыми пчёлками истории». Представьте себе улей человеческой жизни: какой-никакой, но он был до революции, и мёд появлялся, и пчёлки летали; и вот пришёл громила и разломал в одночасье весь этот улей. И сколько же надо сил и десятилетий, чтобы пчёлки опять ожили! Это работа горя, непростая работа собирания нашей исторической памяти – работа для пчёл, которые опять этот улей склеивают, приносят нектар, а постепенно и мёд появляется – мёд мудрости. Это возможно, когда строишь не на песке, а на камне, когда есть твёрдая основа для жизни: Евангелие. И это по-

могает лично выстоять в этой работе. Так это было, собственно, и в лагерях: «железные партийцы» гораздо быстрее раскалывались, чем те, чью душу держал Бог.

Вообще тема исторической памяти не для абстрактных каких-то учебников, а для нас сегодня, потому что это вечные ценности, которые всегда необходимы человеку. Нам это сопротивление требуется не в меньшей степени, чем тем, кто сопротивлялся тогда. Они нам передают свой опыт сопротивления, потому что мы тоже живём во время трудное, чреватое большими бедами. А нашим детям и внукам, может быть, грозят ещё большие беды, потому что безмятежных времён не бывает на земле. Нет рая на земле. И мы ещё не знаем, какие опасности, и рабство, и войны, и трагедии впереди. Кто мог предположить XX век? «Мы ещё увидим небо в алмазах», – говорил знаток человеческих душ Антон Павлович Чехов. Даже он ошибался.

Своей темой Вы занимаетесь 25 лет. Есть ли ощущение, что ваши цели достигнуты или хотя бы что Вы к ним приблизились?

Ну, у меня такие цели, которые никогда не имеют окончания. Если человек себя не созидает, не борется за лучшее и в себе, и в людях, и за спасение себя и людей (даже чисто физическое, ведь сопротивление смерти это тоже сопротивление злу), его просто не будет. Человек обречён, мне кажется, на духовное сопротивление. **КФ**

Памяти Анатолия Васильевича Чельцова

Анастасия Наконечная

Анатолий Васильевич Чельцов около памятного креста на месте взорванного в 1932 г. храма Воскресения Христова в Малой Коломне

4 августа отошёл ко Господу Анатолий Васильевич Чельцов – чудесный, открытый, замечательный человек, настоящий наследник своего деда-священномученика – протоиерея Михаила Чельцова, добрый друг нашего братства.

Мы были с ним знакомы не так долго – может быть, лет пять. Но я даже не представляла, как много для меня значило знакомство с Анатолием Васильевичем. Мы изредка встречались на фестивалях,

выставках, конференциях, которые проводило малое Свято-Петровское или большое Преображенское братство. В этом году он стал бессменным участником «Русских бесед», начавшихся в Петербурге. Он с большим воодушевлением принял идею об установке памятника членам православных братств на Левашовском кладбище, за полгода записал у себя возможную дату открытия памятника и потом несколько раз сверял её – чтобы не пропустить. На открытие приехал не один, с род-

ными, и одним из первых выступил, говоря, как нам важно знать историю церкви, страны и собственной семьи.

О том, что он написал книгу о своём святом деде – о Михаиле Чельцове – я узнала прямо в день знакомства. Это было в Александроневской лавре, во время проведения в музее Лавры выставки «Не должно вам быть», подготовленной силами Преображенского братства. Анатолий Васильевич подарил свою книгу Дмитрию Гасаку и вместе с ней вручил копию документа – полный список людей, проходивших вместе с его дедом по «делу митрополита Вениамина» из уголовного дела в архиве ФСБ. В этом списке было больше людей, чем принято считать, – и вот он поделился своей находкой с Дмитрием Сергеевичем, а в его лице – со Свято-Филаретовским институтом.

Потом он дарил мне новые издания своей книги – их вышло три, четвёртое он подготовить не успел. Каждое издание значительно отличалось от предыдущего, потому что несмотря на преклонный возраст Анатолий Васильевич постоянно трудился над изучением истории своего рода. Он с удивлением рассказывал о том, как всё сходится в жизни: вот он почти случайно узнаёт о своих дальних родственниках в Америке – и они уже проводят генетическую экспертизу и доказывают его родство с кем-то из предков, живших 300–400 лет назад. Его слова о том, что он раскопал свою родословную до времен Дмитрия Донского и даже раньше казались чем-то невероятным. Подробно об этом он написал в третьем издании книги «Мы вправе знать».

Я поражалась его безотказности и готовности встречаться с любыми людьми, чтобы рассказать об истории отца Михаила изнутри семьи. Последний раз я его просила об этом в августе, когда в Петербург приехала небольшая группа московской молодёжи. И вот этот 78-летний человек бодро ехал через весь город, чтобы показать им Троице-Измайловский собор, в котором его дед служил настоятелем и возглавлял там одноимённое братство. Обычно такая экскурсия занимала часа полтора, а эта, последняя в жизни, оказалась даже дольше: помимо дома, в который Анатолий Васильевич вернулся после блокады вместе со своей семьёй и где нашёл ценные письма своего деда в старинном сундуке, помимо многих других памятных мест, в этот раз экскурсанты дошли до последнего места служения о. Михаила Чельцова – Воскресенского храма на площади Кулибина.

С этим местом связана ещё одна история. Анатолий Васильевич с большим трепетом относился к тому, что на месте разрушенного в советское время Воскресенского храма местные жители воздвигли деревянный памятный крест. И когда в дни столетия октябрьского переворота крест оказался каким-то образом разрушен, Анатолий Васильевич был до крайности огорчён. И не понимал – что с этим можно сделать, куда обратиться. Звонил, просил написать об этом в соцсетях, выступал на радио – и недоумевал, ну как так можно – разрушить крест? Через полгода, на Пасху, в престольный праздник взорванного храма, крест был чудесным образом снова установлен – уже более крепкий. Снова постарались местные жители, священник, приписанный к этому

приходу, часть пожертвований внесло Свято-Петровское братство. Мы не говорили Анатолию Васильевичу о нашем участии. И когда кто-то ему всё-таки сказал – он был очень взволнован, жал руку, просил передать благодарность всем-всем. Говорил: я ведь понимаю, что это для вас значит, я очень это ценю.

Последний раз мы говорили с ним по телефону, наверное, недели за две до его кончины. В связи с грядущими именинами нового Свято-Вениаминовского братства он собирался выслать ещё один редкий документ из дела митрополита Вениамина – разрешение на его расстрел, присланное из Москвы и датированное 17 августа 1922 года. Опираясь на него, Анатолий Васильевич считал, что предполагаемая дата расстрела владыки – 13 августа – может быть ошибочной, потому что вряд ли без этого разрешения фигуру такого масштаба осмелились бы расстрелять. Кстати, он был искренне рад, что новое братство в Петербурге выбрало своим небесным покровителем именно митрополита Вениамина.

Как обычно, мы говорили не только по определённому поводу. Уже не в первый раз вспомнили о том, что через два года будет 150 лет со дня рождения отца Михаила. А Анатолий Васильевич с гордостью говорил о том, что одна из его дальних родственниц нашла 700 Чельцовых, живущих сегодня по всему миру. И вот он думал: может быть, удастся собрать их здесь, в Петербурге, хотя бы на один автобус – и в честь юбилея святого предка отвезти на экскурсию в Левашово, показать памятник, на котором увековечено его имя, рассказать о тех временах...

Несмотря на определённые проблемы со здоровьем, он никогда не

Храм Воскресения Христова и Михаила Архангела в Малой Коломне (Санкт-Петербург), где в 1924–1930 гг. служил сщмч. Михаил Чельцов.

показывал виду, что ему трудно, – и всегда был там, где считал нужным быть. Всегда открытый к общению, он с радостью рассказывал об очередных находках и встречах, с участием расспрашивал собеседников. В этом смысле «Русские беседы» были абсолютно его жанром.

Умер он как рыцарь. Живя на даче, услышал, как кричит соседка, у которой сильный ветер повалил берёзу прямо на водопровод. Помочь больше было некому. Анатолий Васильевич взял ножовку и пошёл помогать. Методично отпилил все ветви, потом ствол, освободил водопровод. Вернувшись домой, почувствовал понятную для его возраста усталость. Решили с женой: если не полегчает, утром поедут на такси в больницу. Выпил лекарство. А ночью отошёл ко Господу.

Мы узнали о его совершенно неожиданной кончине во время паломничества двух петербургских братств, сразу же отслужили литию, вспоминали во время утренней и вечерней молитвы, за трапезой. А сегодня на литургии, во время анафоры, вспоминая его среди почивших, я вдруг подумала, как счастлив он должен быть, встретив там, у Господа, всех тех, о ком писал, думал, с такой любовью рассказывал...

Царство Небесное Вам, дорогой Анатолий Васильевич!

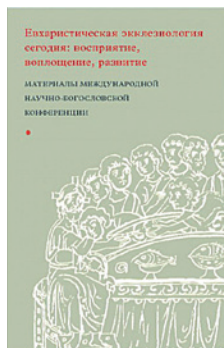

Предание

интернет-магазин
православной литературы

www.predanie.org

Связаться с нами
можно по телефону:
+7 (963) 316-53-93

Книги о вере и Церкви, уникальные исследования о братской и общинной жизни в истории и современности, о трагическом и полном надежды и силы духа опыте новомучеников церкви русской, тексты православного богослужения на русском языке в переводе свящ. Георгия Кочеткова (в том числе в электронном формате), беседы для тех, кто готовится к вступлению в Церковь

Среди наших новинок ранее не издававшиеся книги:
«Ива Эдесский и его время» протопр. Николая Афанасьева,
«Евхаристическая экклезиология сегодня»,
«Хрестоматия по мистагогии»,
свежие выпуски альманаха СФИ «Свет Христов просвещает всех»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru/>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ПАМЯТЬ ЖЕРТВ

Каждый год 30 октября в День памяти жертв политических репрессий тысячи людей с молитвой вспоминают тех погибших, чьи имена сохранились в памяти родственников, известны из сохранившихся расстрельных списков или из данных архивов. Это усилие по своим масштабам кажется несопоставимым с той трагедией, которая произошла в нашей стране после 1917 года. Ведь те имена, которые мы знаем, – лишь небольшая часть неизвестного нам и лишь примерно оцениваемого (разными историками по-разному) сонма подвергшихся истреблению. Исчезли с лица русской земли или были критически обескровлены целые сословия. Вера истреблялась вместе с верующими разных религий. И наконец, волна за волной, революция «пожирала своих детей»... И невозможно ни закрыть на это глаза (как ни призывают к этому многочисленные голоса, лукаво уговаривающие на разные лады: «Да не так уж всё страшно было», «это время было такое», «это враги были, да и сегодня не грех бы пострелять всех, кто нас давит»), ни беспомощно сесть на разорённой земле и предаться отчаянию и ненависти. Ни то, ни другое не может стать основанием жизни. Им могут стать лишь молитва, покаяние и надежда...